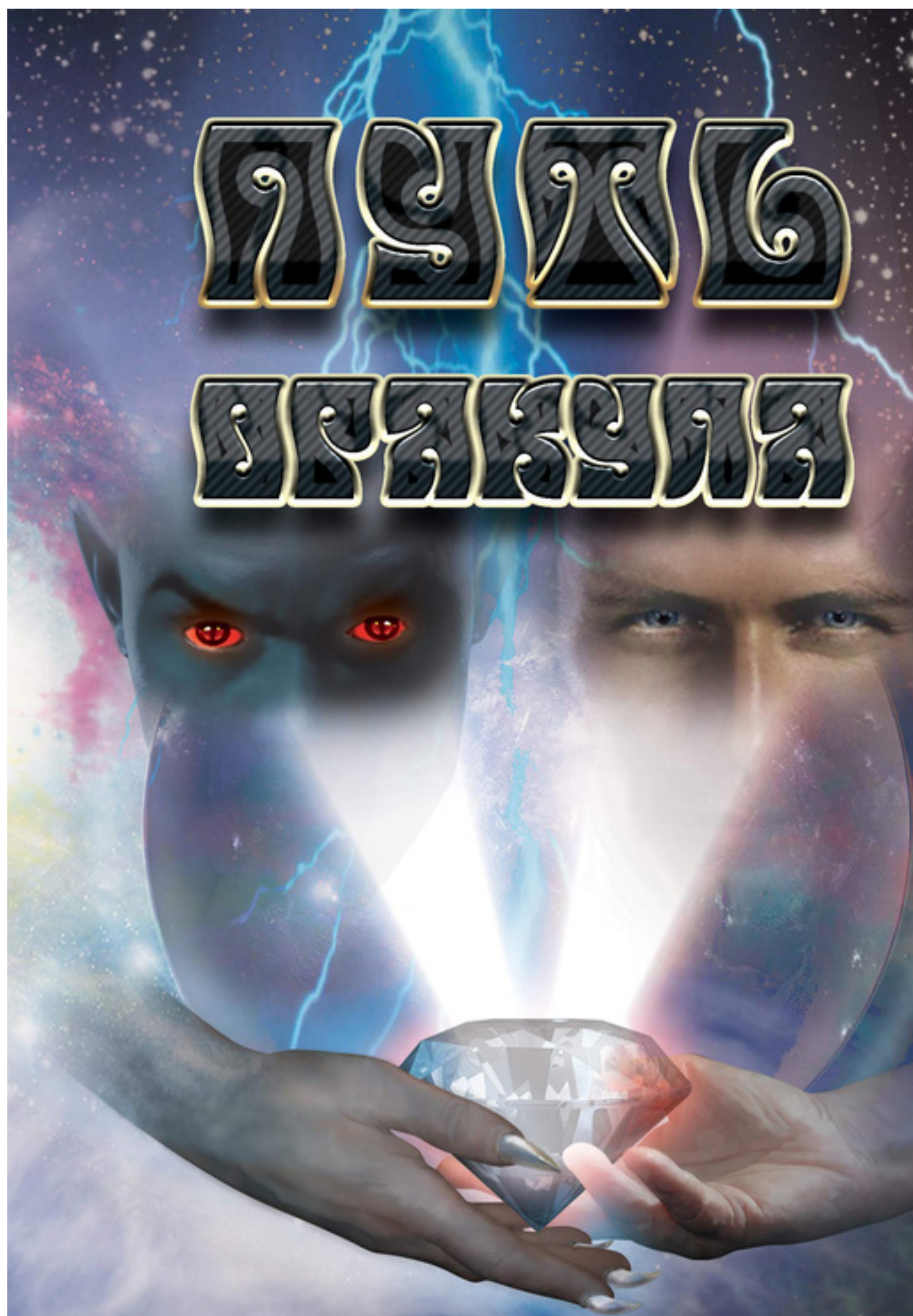

ମହାକାଳ ବରଦାସନା

ଦୁଇଟି ମାୟା

Андрей Малютин
Путь оракула
Серия «Посланник Ориона», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11104240
«Путь оракула», книга 1 серия «Посланник Ориона» /Андрей Милютин: ИП Ракитская Э. Б.
(R)«ЭРА»; Москва; 2015
ISBN 978-5-00039-145-7

Аннотация

Книга «Путь оракула» (первая из серии «Посланник Ориона»), написана в жанре мифологической фантастики с элементами мистики. Эта книга – о переселении душ, мистическом переплетении судеб людей, живущих в разных эпохах, и таинственном оракуле – призрачном камне, который является связующим звеном между ними. Камне, который может дать неограниченную власть и силу или, наоборот, – разрушить жизнь человека и убить его. Камне, который предрешает судьбы людей, народов и цивилизаций. И естественно, Добро и Зло, начиная со времен великой Атлантиды, бьются за право обладать им. Вопрос – кто победит?

Содержание

От автора	4
Пролог	5
Глава 1. Блокнот	6
Глава 2. Сокровище старика	27
Глава 3. Человек из дождя	36
Глава 4. Призрачный камень	39
Глава 5. Том Смит	47
Глава 6. Покушение	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Андрей Малютин

Путь оракула

От автора

Идея написать эту книгу возникла после прочтения произведений «От кого мы произошли» Эрнста Муддашева, «Семь великих тайн космоса» Николая Рериха, книги «Атлантида, история исчезнувшей цивилизации» Льюиса Спенса, материалов энциклопедии «Геология» издательства «Аванта+», книги «Русская Атлантида» Оксаны Гофман, цикла книг из серии «хронико-эзотерический анализ развития современной цивилизации» Георгия Сидорова, а также статьи: «Ко граду взыскуему» писателя Бориса Ряховского, напечатанной в газете «Ступени оракула», и проч.

Выдержка из статьи Бориса Ряховского использована в тексте и выделена: <...>

Пролог

Книга посвящается моему старшему сыну Олегу Малютину.

Мы люди и вся планета,
Где в жизнь мы пришли и исчезнем.
И Солнечная система,
Где кружится наша планета,
Орбитой солнце окутав.
Вселенная, где Путь Млечный
С малюсенькой точкой солнца, —
Все в космосе бесконечном,
Как пульс на запястье нашем,
То стукнет, то исчезает,
Но кровью сосуд наполнен.

Глава 1. Блокнот

Дневник. Это все, что у меня осталось от отца. И с него все началось. С того момента как он попал в мои руки, жизнь моя перевернулась вверх дном. Потрепанный дневник, исписанный ровным почерком. Отец вел его в экспедиции по Уралу в 1988 году, когда был студентом Московского геологоразведочного института. Весной 2037 года мне прислала его по почте жена учителя моего отца – старушка Киреева Анна Ивановна. В кратком сопроводительном письме она написала, что после смерти старого геолога она разбиралась в его бумагах и наткнулась на этот дневник. Дальше она извинялась за то, что не передала этот дневник мне раньше. «Твой отец, писала она, по возвращении из экспедиции по Уралу в 1988 году, отдал этот дневник моему покойному мужу – Игорю Петровичу, он был в той экспедиции начальником геологической партии. Мой муж тогда рассказал мне о странной просьбе твоего отца. Он попросил о том, что, если с ним что-нибудь случится, передать этот дневник тебе, как это не покажется странным, ведь тебя еще тогда не было на свете. Просил спрятать его и не читать. Муж говорил, что у твоего отца был какой-то растерянный вид, когда он говорил все это. А через двадцать лет твои отец и мать погибли, царствие им небесное, тебе тогда было всего десять лет. Мы решили подождать, пока ты чуть повзрослеешь, а потом забыли про дневник, прости стариков».

Моего отца звали Андрей Зимнин. Действительно, в 2008 году, когда мне было десять лет, я со своими родителями попал в ужасную автокатастрофу. Мой отец сидел за рулем нашей старенькой «Лады» и не смог уйти от лобового столкновения с грузовиком на узкой дороге. Нашу машину перемолотло, словно жерновами. В живых чудом остался только я один. Около трех месяцев после этого кошмара я находился в коме, балансируя между жизнью и смертью. С того времени как я очнулся, я ничего не помнил: ни кто я такой, ни кто мои родители, ни где я жил, и именно с того времени мне стали каждую ночь сниться сны, но я никогда не помнил их, проснувшись. По утрам у меня всегда было гнетущее чувство того, что я увидел и забыл что-то очень важное. У меня началась депрессия, и я замкнулся в себе. Моя приемная мать, медицинская сестра, ухаживавшая за мной, пока я был без сознания, и не давшая отдать меня в детский дом, официально оформила опеку, так как близких родственников, желавших забрать меня к себе, у меня не оказалось, а она была бездетна. Жила она одна, в маленькой двухкомнатной квартирке на Сретенке. Именно она рассказала мне в день моего совершеннолетия о том, кто я, что случилось с моей настоящей семьей и со мной. Вот так бывает в жизни. В один день можно лишиться всего, что у тебя есть: и родителей, и памяти о них и о себе самом.

В первые годы после выписки из больницы моя приемная мать затащила меня по врачам, психологам, экстрасенсам, бабкам-ведуньям и тому подобное, но ни один из них так и не смог дать объяснения моему странному недугу. В Институте головного мозга после длительного обследования установили, что мой сон состоит сплошь из фазы быстрого, поверхностного сна, сопровождающегося у человека яркими сновидениями, а фаза так называемого глубокого сна отсутствует. Именно в эту фазу человеческий организм отдыхает и набирается сил на предстоящий день. Но физически я не страдал и усталости не чувствовал. Это очень удивляло ученых мужей. Попытка узнать суть моих снов под воздействием гипноза не увенчалась успехом. Наконец, поняв, что помочь мне никто не может, моя приемная мать отказалась от дальнейшего обследования. Со временем я научился с помощью аутотренинга кое-как бороться с утренним психологическим дискомфортом. Но появилось другое. Я стал бояться засыпать. И эту проблему я вскоре сумел решить, приучив свой организм спать по четыре, пять часов в сутки. Как выяснилось, мне вполне хватало этого времени, чтобы отдохнуть и днем не засыпать на ходу. Я усиленно занялся спортом, восточными еди-

ноборствами. К этим видам борьбы у меня оказались неплохие способности. Тренировался по три, четыре часа в день, доводя свой организм до грани физического истощения. Физическая усталость и долгое, до рассвета чтение книг делали свое дело. За чтением я и засыпал незаметно для себя, как говорится, «без задних ног», без сновидений. Так я и рос, тренируя свое тело и развивая свой разум с помощью чтения.

Да, я ведь так и не представился. Зовут меня Эрл Зимнин. Для русского довольно странное имя. Я где-то читал, что Эрл – это англосаксонский титул, использовавшийся в Англии после XI века вместо континентального «граф». Был принесен в Англию викингами при завоевании восточного побережья. Правда, графов в моей родословной не было, тем более подданных или живших в Англии. Но такое имя мой отец выбрал неспроста. Прочтя дневник, я понял это. Мне сорок лет. По профессии я геолог, как и мой покойный отец, хотя до последнего времени все больше занимался антропологией и археологией, которые стали моим хобби. Многие люди, слыша слово «геолог», представляют себе бородатого мужика с обветренным лицом и киркой за спиной, сидящего возле костра где-нибудь в тайге, среди таких же бородачей, как и он. При этом один из них играет на гитаре, остальные ковыряются ножами в банках с тушенкой и запивают ее горячим чаем из котелка, а то и чем-нибудь покрепче, отмахиваясь от назойливой мошкары. Нет, я не такой. Бороды у меня нет. Я крепкого телосложения мужчина, с внешностью... Но об этом не мне судить. Женщины, честно говоря, вокруг меня штабелями не укладываются, а грубый рубец поперек моего носа, заработанный в автокатастрофе 30 лет назад, к симпатии женщин, как мне кажется, не очень-то располагает. Правда, я был женат, но это грустная история. Но я отвлекся. Этого, пожалуй, хватит для поверхностного знакомства с моей персоной.

Продолжу дальше: получив дневник, я перелистал его. Страницы были чуть пожелтевшими от времени. Я перечитал его от корки до корки. Вот что в нем было написано.

12 августа. 1988 год. Мы сплавляемся по течению Печоры. До Троицко-Печорска несколько десятков километров. Наш проводник Иван – типичный представитель народности Коми, мужик лет пятидесяти, с обветренным, загоревшим лицом, невысокого роста. За все наше путешествие вверх по реке, к ее истоку и обратно он практически не проронил ни слова на русском. Эдакий молчун с раскосыми глазами. Правда, он иногда бубнит что-то себе под нос на непонятном для нас местном наречии. Я попытался как-то разговорить его, но он только смотрел на меня умными глазами, улыбался и кивал головой в такт каждому моему слову. На русском языке он с акцентом говорит только несколько слов: да, нет, водка, дай, давай, это, зачем, на, туда, хорошо, спасибо, и еще пару словечек из ненормативной русской народной лексики. Но этого ему хватает, если он пытается спросить или попросить что-то. Сегодня мы решили причалить к берегу, чтобы набрать грибов, которых в этих краях больше чем предостаточно, и сварить на костре грибной суп. Честно говоря, несколько надоело болтаться на плоту посреди реки и есть тушенку с сухарями. Захотелось ступить на твердый берег.

– Иван, – обратился я к нашему раскосому гиду, – поворачивай к берегу, причаль где-нибудь, где посуше.

– Корошо урус, – кратко, как всегда, ответил он.

Иван издалека приметил место, где лес на несколько метров отступал от кромки воды, и точно, несмотря на течение, причалил плот к берегу. Мы спрыгнули в воду и помогли Ивану затащить плот на песок. Игорь Петрович и Степан, мои старшие коллеги и теперь уже друзья, взяв по топору, чтобы нарубить сушняка и маленький рюкзак под грибы, направились к начинающемуся поодаль лесу, а мы с Иваном стали переносить с плота на берег наши пожитки, необходимые для приготовления пищи.

– Через часик вернемся, – крикнул нам Степан, уже скрывшись между деревьями. – Ждите с полным рюкзаком грибов, – донеслось до нас еле слышно.

Я махнул им вслед рукой. Мы с Иваном принялись оборудовать место для костра. Минут через двадцать из глубины леса стал доноситься глухой стук топора.

— А что, урус, — неожиданно для меня, опровергая наше убеждение в том, что с русским языком у нашего проводника проблема, вдруг тихо сказал Иван, — знаю я здесь одного старика, да. Может скрестить ноги и подняться над землей на метр, да так и висеть в воздухе. А потом враз возьмет и исчезнет. Один живет, совсем один. Никто не знает где, кроме меня, да. Иногда приходит в село, в магазин, взять разного по малости. Народ поначалу сторонился его, да. Дети и бабы так и шарахались в стороны, едва завидев. Слепой он вроде, а ходит без палочки, словно дорогу видит. Да и ходит-то странно, будто над землей плывет. А уж если, слух ходил, в глаза ему заглянуть, так и на месте помереть можно. Не знаю, верно ли, лица-то его не видел никто. Капюшон на голове у него, не видать за ним лица-то. В тени оно всегда. Только волосы седые из-под него на плечи спадают, да борода длинная с косичками на концах до пояса висит. Если бы не эти принадлежности человеческие, можно бы было подумать, что одежда сама по себе передвигается. А так видно, что человек под ней прячется, да. Откуда взялся, откуда пришел, не знает никто, да. Старики местные говорят, что еще их пра-, пра-, прадеды его видели в этих местах, что зовут его Ефимий. При Екатерине Великой появился в здешних местах, да. Говорят, что Петр, император наш, был для него первый ненавистник. Учил он местный люд, что император по описи раздробил народ на разные чины, размежевал землю, возбудив тем самым зависть меж людей. И стали люди, словно язычники, воевать друг с другом, потому как наделил кому много, кому мало, кому же и ничего не дал, а только рукоделие повелел. Говорил, что бежать всем надо в страну Беловодскую, созданную по словесному чертежу Бога. Все, говорил, там по совести и по-братски, да. Всего хватает на всех. Нет злобы меж людьми, так как нет зависти. Живут там люди радостно, не страшись никого. С деревьями и животными на их языке разговаривать могут. Болезней всяких нет там, а уж если порча какая откуда нагрянет, так каждый сам себе знахарь. Нет болезни такой, чтоб человек беловодский вылечить не мог. Потому и живут там по пятьсот, шестьсот лет, да. Правда, не все, говорил, дойти туда смогут. Слишком путь опасен. Лишь те ее смогут достигнуть, кто душой и помыслами чист, кто желанием загорится обратно не возвращаться. Да и зачем возвращаться, когда в страну явился сам антихрист в лице Петра с его сатанинскими реформами. В общем, народ баламутил, да. А потом пропал. И не видел его никто более до недавнего времени. Слухи да легенды о нем по всему краю из уст в уста передавались. Даже много людей, веривших ему, было, да. Тех, что по пути, Ефимием указанным, в Беловодье это уходили. Многие из них так и сгнули навсегда. А иные, кто вернулся, говорили, что нет Беловодья никакого и города белокаменного с золочеными крышами, столицы его, нет нигде на свете. Рассказывали о напастьях страшных, что на пути в Беловодье их подстерегали. А Ефимий сам к тому времени пропал уж. Со временем и вовсе забыли о нем, да. А теперь опять вот он в наших краях появился. Старый, правда, да ведь уж триста лет, поди, прошло. Столько ведь человек-то прожить не может. Ан нет, он это. Я-то точно знаю, да и старики просто так болтать не будут.

Понял я это, как один раз чудо своими глазами увидел.

Пришел как-то он в село, в прошлом году это было, плывет себе тихо по краешку дороги, а с другого конца села выскочил из леса и бежит ему навстречу волк бешеный. Матерый волчище, глаза безумные, слюной брызжет во все стороны, клычищи здоровенные скалит. Несется, пути не разбирая. Собаки по дворам с ума сходят, лаем заходятся. А на дороге дети лет шести, семи в луже игру затеяли, да так заигрались, значит, что не слышат и не видят вокруг себя ничего. Мужики, кто увидел, в дома за ружьями да к заборам за палками бросились. Да поздно уж было, да. Волк-то налетел с ходу на мальчонку одного и давай его драть, а потом второго, что убежать попытался, за ногу схватил. Тот орет во всю глотку, а что сделаешь-то, криком-то не поможешь, да. Наоборот, еще более от крика зверюга раздражается. А

первый-то пацаненок лежит уж, не двигается. Кинулся старик к волку, да так быстро, что от него такой прыти и ожидать было невозможно. Вроде был еще в начале дороги, а через миг уж на спине волчьей верхом сидит, как на кобыле. Схватил его за морду да давай ему челюсти раздвигать. Волк спину выгнул, назад попятился, головой мотает, но мальчишку-то отпустил. А старик вдруг как кулаком по голове зверюгу вдарит, у того ноги-то и подкосились. Рухнул он наземь, волк-то, и не шелохнется. Встал старик, пацана на руки взял, того, что первым от волка пострадал, и несет к дому ближайшему, да. А по дороге уж мужики бегут, кто с двустволкой, кто с оглоблей, кто с вилами. Остановился старик, осторожно мальчонку наземь положил, повернулся и в обратку в сторону волка пошел. Там, рядом с ним, второй мальчишка лежит, за ногу разодранную схватился и орет. Старик же внимания на него никакого не обратил. Орет – стало быть, живой. Подошел он к зверю, нагнулся, да легко так взял и на плечи его взвалил. Это ж какая силища нужна? И пошел, значит, не оборачиваясь, в сторону леса. Мужики хотели было за ним пойти, да побоялись, да. Так и ушел он в лес и волка с собой утащил. Но не это главное, да. Впереди еще что было? Пацаны-то оба живые остались, но и здесь опять без чуда не обошлось. Первый-то, что помладше, совсем плох был. Сильно волк его подрал. Крови много мальчишка потерял. Отцы ребятишек этих в этот же день в город подались, за врачом. А у того сыворотки от бешенства не оказалось. Пришлось за ней в областной центр посылать. А время-то идет. Восьмой день уж как врача нет. У первого пацаненка, кому сильнее от волка досталось, между тем уж водобоязнь началась. Мамка ему стакан с водой к губам подносит, а у него тут и судороги начинаются, да такие, что дыхание останавливается. А потом и вовсе галлюцинации начались, да. Все волки ему чудились, что сожрать его хотят. Мечется в постели, а слюна так и течет, да, проглотить не может. А еще через день и вовсе мальчика парализовало, да. Тут-то и врач с лекарством появился. Осмотрел он мальчишку, головой покачал и говорит, значит, родителям: «Надежды нет никакой. Жить ему осталось от силы сутки. Извините, но медицина тут бессильна. Раз уж болезнь до такого состояния дошла, никакое лекарство не поможет. Разве что Бог». Ну, мать рыдать, конечно, в ноги доктору бросилась, отец как каменный стоит, слова вымолвить не может. Голову опустил, а по щекам слезы катятся. Потоптался еще доктор у кровати, развернулся и пошел до другого дома, где второй мальчонка был. Тому повезло, да. Болезнь его еще не взяла. Уколол ему доктор лекарство и с собой в районную больницу увез. А в эту же ночь, в окошко, к умирающему мальчику стук раздался. Смотрит мать в окно, а там старик стоит, как всегда в капюшоне своем. Отворила она дверь, пустила его в дом. Старик зашел тихо. Прошел напрямиком к мальчишке парализованному. А тот уже дышит через раз. Постоял старик у кровати, потом рукой повел, на свет показывает, чтоб выключили, значит. После этого всем на дверь указал. Вышли все из комнаты. Что уж он там делал, не знает никто, да. Только бормотание из-за дверей слышалось. Часа четыре он с больным находился. Вышел потом и мимо всех к дверям на выход подался. А там остановился, развернулся резко и вроде как смотрит на всех. Люди стоят, ждут, что дальше-то будет? А он вдруг повернулся кругом, да вышел вон. Только в голове-то у каждого, кто в комнате стоял, в этот самый момент слова произнеслись: «Лекарство утром, один раз». Забежала мать в комнату, а дитя ее спит и дышит так ровно, а на тумбочке рядом с кроватью кожаный мешочек лежит с какой-то жидкостью. Наутро дали пацану выпить ее. Через десять дней он уж здоров был. Да и раны-то на теле после ухода старика словно исчезли. Даже следов не осталось. Так вот, значит, все и было, да.

– погоди, Иван, – тихо сказал я, изумленно уставившись на него, – а что ты вдруг решил мне рассказать все это?

– Ты же – урус. «Встретишь уруса, что ищет камни да руды в земле, – говорил мне слепой старик, – веди ко мне», да. Так он и сказал и еще описал тебя подробно, внешность, что молод, даже про родимое пятно на безымянном пальце твоей руки знал, что словно перстень.

Я посмотрел на свою правую кисть. Действительно с рождения на первой фаланге безымянного пальца у меня было светло-коричневое родимое пятно в виде перстня.

– Я тогда охотился в здешних местах, – не обращая внимания на мой растерянный вид, продолжал Иван, – да медведь меня заломал. Еле живым остался, да. Старик тот меня спас. Появился словно из-под земли, руки поднял и как закричит что-то на непонятном языке. Медведь хватку ослабил, а после и вовсе отпустил. Встал на задние лапы, заревел. Все, думаю, хана человеку. А тот руки-то вниз опускает, смотрю, тут и медведь на четвереньки встал, а затем набок повалился и лежит, словно мертвый, но дышит. Заснул, стало быть, да. Потом и я сознание потерял. Ничего не помню. А как очнулся, смотрю, раны-то мои все зажившие. Лежу на том же месте, а старик надо мной стоит и говорит тихо: «Живи человек да помни, за помощь тебе не жду благодарности никакой. Лишь просьбу выполни» И просьба та была, что я тебе уже поведал. Привести тебя, значит, да. Сказал, сел, скрестив ноги, и в воздух поднялся от земли. А потом, да, и вовсе исчез. А я заснул сразу. Потом, как проснулся, все понять не мог, правда все иль причудилось? Смотрю, а на теле-то рубцы от ран заживших, а метрах в пяти медведь лежит, спит. Значит, старик тот взаправду был. Гадал я с того времени, что за урус такой? А теперь понял. Ты это, да. Где же я еще могу другого уруса встретить, что камни до руды ищет, геолога, значит, да с отпечатком родимым на пальце? Да и по описанию облика твоего ты это.

– Ну, Иван, заинтриговал ты меня своим рассказом. Что ж ты раньше не сказал, когда верх по течению шли?

– А я, урус, все присматривался к тебе. Хороший ты человек аль нет? Плохого человека я бы к старику не повел. Не должно плохое к хорошему водить. Вдруг у тебя сердце злое? Вдруг ты чего плохого старику бы сделал? А он спас меня, хоть и сказал, что не должен я ему ничем, да. Но, смотрю, человек ты хороший, добрый. Людей любишь, традиции наши, легенды собираешь. Ты, верно, и есть тот, кого старик видеть хочет, да.

– Спасибо тебе на добром слове, – хлопнув Ивана по плечу, с улыбкой сказал я. – А друзей-то моих мы с собой взять можем?

– Нет, не можем. Старик сказал, только одного уруса приводи, да.

– Хорошо. Сейчас напишу им записку, и пойдем. Плохо, конечно, так, не попрощавшись.

Я вырвал лист из своего путевого дневника, взял карандаш и быстро написал: «Друзья мои, нам с Иваном необходимо уйти на некоторое время. Не ждите нас. Сплавливайтесь по реке дальше. При встрече все объясню. Ждите меня в Троицко-Печорске. Андрей».

Обмотав бумажку вокруг чалки, я закрепил ее с помощью бельевой прищепки. Мы взяли с собой по ружью, кое-что из пищи и быстро углубились в лесную чащу, в другую сторону от моих друзей.

16 августа. 1988 год. Вчера Иван привел меня на то место, где он впервые повстречал старика. Три дня он вел меня оленьими тропами. Лес становился все чаще, и к концу третьего дня мы зашли в такой непролазный бурелом, что передвигаться без топора стало трудно. Иван опять молчал и лишь изредка предупреждал меня о всяких неприятностях, поджидавших нас на пути, особенно когда на второй день мы медленно брели через огромное болото. Конца и края, казалось, ему не было видно. Но Иван упорно шел вперед, и по всему было видно, что дорогу он знает хорошо. Один раз, правда, я все же угодил в трясину, но Иван с невозмутимым видом нагнул ко мне ствол растущей рядом березки, и я благополучно выбрался из липкой жижи.

В конце концов, мы вышли на большую поляну, поросшую папоротником и осокой.

– Здесь, – сказал Иван, резко остановившись. – Будем ждать здесь. – Видно, недавно ураган прошел. Ишь ты, как деревьев навалило, а сломы свежие еще. Давай, урус, костер запалим, есть приготовим, да.

Сегодня утром Иван подстрелил маленького лосенка, отбившегося от матери или брошенного ей. У него была сломана нога, и он лежал на земле, еле дыша. «Все равно помрет, да, – подвел Иван итог жизни маленькому животному, – или хищники сожрут». С этими словами Иван нажал на спусковой крючок. После, ловко орудуя охотничьим ножом, он разделал тушку, нарезал мясо большими ломтями, обильно посыпал их солью, и часть из них сложил в заплечный мешок.

– Давай урус, тащи сушняк, запалим костер, будем жареную лосятину кушать.

– Айн момент, – с готовностью ответил я и начал подбирать прямо под ногами валявшиеся сухие ветки.

Благо сухой древесины вокруг было навалом, вскоре мы уже сидели и ели жареную лосятину. Именно в этот момент появился он. Старик действительно словно материализовался из ниоткуда. Он был высок, под два метра ростом. Волосы длинными седыми прядями спадали ему на плечи и доходили почти до лопаток. Длинная седая борода заканчивалась ниже пояса тоненькими косичками. На нем была надета серого цвета, длинная, до пят, рубаха из плотного материала, с длинными рукавами. Старик стоял как изваяние.

– Здравствуй Иван, – тихо произнес он. Голос его был мягким и очень приятным. – Ты выполнил мою просьбу, теперь оставь нас с этим человеком ненадолго.

Мой проводник встал и, молча поклонившись и опустив глаза, удалился в чащу в том направлении, откуда мы недавно пришли.

– Приветствую тебя, потомок великого дэйва Эрла, победившего черного Фиора в жестоком бою.

Сказав это, старик скинул капюшон на плечи и низко поклонился. Когда он выпрямился и подошел поближе, я увидел его лицо. Глаза старика были прозрачно-голубого цвета, взгляд его устремился куда-то вдаль, поверх моей головы. Но я чувствовал, что старик следит за каждым моим движением. А Иван говорил, что, заглянув ему в глаза, можно умереть.

– Здравствуйте...

– Ефимий мое имя. Я один из немногих, кто смог дойти до страны Беловодской, до столицы ее, града белокаменного, и вернуться обратно. Страна эта, основанная в давние времена пришедшими с южных заоблачных гор высокими людьми, стояла раньше на земле свободно. Сейчас же не увидишь ее, находится за невидимыми стенами, пройти через которые удастся не многим, а лишь избранным двенадцати. Вернуться же оттуда могут лишь единицы. Миссия моя – встретить потомка великого дэйва и передать ему то, что сказано мне было одним из двенадцати. Слепота моя физическая, плата за то, что был в стране Беловодской, чтобы не смог найти я дороги обратно, но взамен дали мне знание и умение врачевать и переносить в пространстве тело свое и еще многое другое. Увидел и понял я в той стране, что во многом нет границ возможностям человеческим. Ты готов слушать?

– Да, готов, – прошептал я. – Услышанное мной было невероятным. Что-то подсказывало мне, что все, что я слышу, не просто большая фантазия ненормального старика, а какая-то древняя, доселе неизвестная легенда. И самое интересное то, что старик утверждал, что я являюсь ее частью. – Говорите, Ефимий, я внимательно слушаю.

– Очень давно, при Екатерине-царице, явился мне во сне ангел и поведал об удивительной стране Беловодской и столице ее – граде белокаменном. Люди там живут в достатке. Все там даром, а чего мало, делят поровну. Жизнь святая, беспечальная. Царя там нет, правят двенадцать старцев, сидя на скамейке рядом. По святости своей жизни они и в мороз ходят босиком. Но не всем туда дойти можно. Только лишь тем, кто верит в существование ее, кто чист душой и не помыслит, дойдя, обратно возвращаться. Рассказал он мне верные приметы, как дойти туда. Проснулся я и подумал: что мучаюсь я на службе солдатской. Доколе можно терпеть бремя тяжелое, быть битым чуть за что палками да муштрой себя изводить. Да и убивать мне не пристало. Не по-человечески это. Так и ушел я с солдатской службы искать

страну заветную. Пережил я многое на пути туда. Страшные беды подстерегают на пути в Беловодье. Но дошел все же. Приняли меня благожелательно. Все там было так, как во сне мне привиделось, через ангела. Жил я вольно, всего хватало, что не пожелаешь. Прожил я в граде белокаменном почти триста лет. Многому научился я у тамошних людей, многое узнал. Но однажды пришел ко мне в дом «ОН». Понял я сразу, кто это такой. Не человек это, хоть и похож очень. Слишком высок он был для человека-то. Сел он тихо на скамью у стола и стал рассказывать: «Нас в совете двенадцать. Шестеро людей и шестеро бывших ранее них. Правим мы в Беловодье, все вопросы решая единогласным числом голосов. Порядок и спокойствие царили в стране до сих пор. Но увидели мы, что восстает на Земле зло великое, и люди сами этому способствуют, не стремясь к духовному, а все больше оружие изобретая да планету нашу загаживая. Собрались тогда мы и решили отправить одного из нас в мир людской, чтобы найти того, кто сможет забрать «камень судьбы» у людей и принести нам. Тот камень, что по земле странствует, предрешая судьбы стран и народов с давних времен. Забрать, чтобы не попал он в руки злые. Люди должны сами свою судьбу вершить. Узнали мы из Высших Сфер, что пришел в мир и воплотился в человеке древний дух черного мага Фиора. Ясно зачем. Нужен ему «камень судьбы», чтобы через него править миром и разрушить его до основания, а на обломках построить царство хаоса и тьмы.

Вот что еще сказал мне «ОН»: «И знает Фиор, как пройти в страну Беловодскую, минуя стены и врата невидимые, для зла закрытые. Знает он, что, имея «камень судьбы», можно прийти и уничтожить страну нашу – последний оплот добра и света, ибо мощи камня вместе с мощью черной магии не смогут противостоять жители страны нашей. А потом ввергнуть Землю в хаос великий, и горе будет людям. Вскоре пропал Фиор из ведения нашего. То силы, вызванные черной магией, делают его невидимым для нас. Задумались мы тут. Сюда никак его нельзя допускать с намерениями злыми и с «камнем судьбы» в руках. Ибо в руках добрых много добрых дел он может сделать, а в руках злых – лишь злое, хоть и не создан он для зла. Решили мы опередить Фиора. И тут узнали мы в Высших Сферах, что живет на земле потомок великого дэйва Эрла, владевшего «камнем судьбы» много тысяч лет назад. Того, кто победил черного Фиора в битве за «камень судьбы» на закате древней дочеловеческой эпохи. К его сыну придет камень, так поведали нам Высшие Сферы. Ты, Ефимий, должен встретить его.

Пришло время. Мы отправляем тебя обратно в мир людской и место тебе укажем, где ждать его. Многому ты в нашей стране научился, такому, что в миру людям представиться не может. Но все лишь для одного. Должен ты найти потомка великого дэйва по приметам, которые скажем тебе, и рассказать ему о стране Беловодской, ничего не утаивая и не преувеличивая, и о том, что узнал сейчас от нас. Скажи ему, что судьба людская в его руках. Он должен передать знания своему сыну. И пусть помнит, Фиор тоже ищет камень и знает пророчество о том, что камень должен попасть к потомку дэйва Эрла. Фиор способен на все, чтобы завладеть камнем, даже на убийство. Пусть тот, кого ты найдешь по приметам, остерегается. Иди. И береги себя».

«Странно», – уже покинув Беловодье, думал я. Что поймет человек, пусть даже потомок великого дэйва, из моих напутствий? То, что его сын получит в руки «камень судьбы», о котором мне толком так и не рассказали. Где и когда это произойдет? Каков он, этот чудокамень? Вдобавок ко всему, едва выйдя за врата страны Беловодской, солнце так ослепило меня, что глаза мои с тех пор не видят ничего и путь обратный не смогу ему указать. Так как его сын узнает дорогу, даже овладев этим камнем, если я не смогу указать путь его отцу? А самое главное, кого ему опасаться, если этот камень уже ищет черный маг-убийца Фиор? Как он выглядит?

По подсказкам людским до места указанного добрался и стал ждать. Думал только, что даже найдя тебя, Андрей, и рассказав тебе то, что должен был, я ко всему прочему не

смогу помочь тебе ничем. Но с мудрыми не спорят и не оспаривают их решений. Их просто выполняют. Вот теперь ты здесь, а я чувствую, что это ты и есть. Тот самый потомок дэйва Эрла, которого я должен был найти. Я выполнил миссию. Остальное в твоих руках».

Сказав эту фразу, старик стал медленно растворяться в воздухе. Голова у меня закружилась, и я стал отключаться.

– Ефимий, – простонал я, едва слыша свой голос откуда-то со стороны. – Ты сказал, что было двенадцать старцев. Шесть людей. А кто эти шесть – бывших ранее них?

– Этого я не должен говорить. Не надо это знать тебе, потомок Дэйва.

– Кто такой Дэйв?

– Владыка, царь, король, как хочешь, только в далеком прошлом.

– Ефимий, – оседая на землю, заплетающимся языком еще сумел спросить я. – А что дальше, когда «камень судьбы» окажется у двенадцати, что послали тебя?

Сквозь пелену покидающего меня сознания я смог разобрать:

– Будет то, что должно быть. Когда люди будут достойны, откроются врата в Беловодье и... путь... будущее... новая раса...

– А если не..? – уже не слыша своего голоса, спросил я.

– Хаос и смерть, – последнее, что смог разобрать я.

Пришел в себя я оттого, что Иван тряс меня за плечи и хлопал ладонями мне по лицу. Долго ли я был без сознания, не помню. Но помню, что снилось мне что-то прекрасное. Ощущал я такое блаженство, что и не передать словами. Отрывочно помню я: город с домами высокими, с золотыми крышами, причудливыми башнями и огромными садами. Каналы вокруг города, питавшие эти сады и дающие воду в дома. И людей в белых одеждах, с внешностью прекрасной, глазами добрыми, наполненными мудростью.

– Андрей, эй, Андрей, ты жив? – с тревогой в глазах, наклонившись надо мной, спрашивал Иван, вновь и вновь тряс меня за плечо.

Я открыл глаза. Высоко надо мной сквозь ветки деревьев были видны проплывающие по небу причудливой формы облака. Я лежал на спине, широко раскинув руки в стороны. Слова Ивана прорывались до моего сознания откуда-то издалека, словно через какую-то невидимую пленку. Приподнявшись на локтях, я посмотрел на моего проводника. Увидев, что я открыл глаза, он отошел в сторону тлеющего костра и, присев возле него на корточки, стал ковыряться прутиком в углях. Медленно повернувшись набок, я встал. Тело мое было таким легким, что казалось, я вот-вот взлечу.

– Слушай, Иван, со мной что-то произошло? Я не помню, как отключился.

– А сейчас ты, наверно, ощущаешь легкость в теле? – не смотря в мою сторону и продолжая ковыряться в углях, спросил Иван.

– Откуда знаешь?

– Я испытал то же, после того как старик исцелил меня от ран. Думаю, он может выгонять бесов из организма.

– Бесов, говоришь? – переспросил я. «Бес за мной охотится».

Старик твой волшебный меня предупредил», – пронеслось у меня в голове. А вслух я произнес: – Может быть, может быть.

– Что дальше-то делать будем? – наконец оторвавшись от своей важной работы по наведению порядка среди углей, спросил Иван.

– Да ничего, Иван, до дороги меня выведи. А там... Ох, и со странным человеком ты меня сегодня познакомил. Прямо как в сказке, что наяву. Спасибо!

– Да чего уж там. Я сам рад, что сумел старцу угодить. Не ошибся, стало быть, в тебе, да. Сейчас давай костерок-то землей засыпем, приберем тут за собой, да в путь.

После того как природоохранные мероприятия были закончены, мы тронулись с места. Иван резонно предложил довести меня до своего села, а оттуда до Троицко-Печорска на

попутках кое-как можно будет добраться. Чтоб чем-нибудь себя занять, кроме созерцания окружающей природы, я попросил Ивана рассказать еще что-нибудь про Ефимия. Иван пообещал, что по приходу в село он познакомит меня кое с кем, кто может пополнить багаж моих знаний об этом удивительном человеке, обладающем какими-то сверхъестественными способностями и знаниями, как мне уже поверилось, не от мира сего. Больше он не произнес ни слова за весь путь, только бубнил, как всегда, себе под нос что-то непонятное. Впрочем, это нисколько не расстраивало меня, так как мне было над чем подумать. Я попытался еще раз вспомнить в деталях разговор со стариком, все расставить на свои места. Молчание Ивана и таинственная тишина окружающего со всех сторон леса к этому располагали.

Итак, что я узнал? Со слов старца, я состою в родстве с каким-то мифическим дэйвом по имени Эрл. Дальше он сказал, что этот дэйв в смертельном бою за «камень судьбы» убил Фиора. Значит, Фиор и дейв Эрл были врагами, жили в одно время, но когда, что это за «дочеловеческая эпоха?» Кто такой Фиор, об этом старик не сказал ни слова. Единственное, что известно, – это то, что он был черным магом. Да еще то, что дух его возродился из небытия и вселился в чье-то тело. Но где он сейчас? Дэйв Эрл владел, как сказал старец, «камнем судьбы», который сейчас странствует по свету, предрекая судьбы стран и народов. И этот камень попадет к потомку дэйва, то есть к моему еще не родившемуся сыну. Интересенькая история. А самое интересное, это то, что старец утверждает, что пришел из Беловодья, где и услышал эту историю. И что он и есть тот самый Ефимий, что почти триста лет назад жил в этих местах. Значит, необходимо спрашивать местный люд о Беловодском царстве. Может, кто что-нибудь помнит из рассказов прадедов и прабабок. Иван утверждает, что встарь целыми деревнями убегали люди искать Беловодскую страну. Правда, никто ее не нашел. Тем не менее. А там, глядишь, и прояснится что-нибудь, если предположить, что в народных легендах и сказаниях есть хоть доля правды.

Треск сломавшейся под ногами сухой ветки вывел меня из состояния задумчивости. Думая о своем, я не заметил, что Иван увел меня в сторону от болота, по которому мы шли до места встречи со стариком. Сориентировавшись, я понял, что мы уходим в сторону от реки. Все меньше вдоль тропинки встречались растения, характерные для влажной болотистой местности. Между деревьями, преимущественно соснами, появились просветы, так, что можно было видеть, по крайней мере, на 50—100 метров вперед. Иван продолжал хранить молчание. Вскоре начало смеркаться, и я все чаще вопросительно поглядывал на него, идя с ним бок о бок. Он в свою очередь не обращал на меня никакого внимания, но и останавливаться на ночлег, как было видно, не собирался. Значит, подумал я, скоро мы должны выйти к селу, и Иван решил прийти туда именно сегодня. Примерно еще через два часа, когда уже совсем стемнело и с неба на нас смотрела полная луна, мы наконец, как я и думал, вышли из леса. Село было не очень большое. Судя по очертаниям домов, стоявших вдоль проселочной дороги, домов двадцать. Свет не горел ни в одном окне. Село спало. Жители в селах и деревнях, как и встарь, рано ложатся и рано встают. Даже дворовые, цепные псы не слишком утруждали себя лаем, когда мы проходили мимо домов, которые они должны охранять. В конце дороги, возвышаясь над крышами сельских домов, стояла старая бревенчатая церковь. Единственное здание, в окнах которого мерцал тусклый свет. Иван вел меня туда.

Добравшись до порога одной из пристроек церкви, Иван тихо постучал в дверь.

– Отец Сергей здесь живет. Иерей церкви местной, – шепотом сказал Иван. – Он тебе нужен.

– Слушай, Иван, – так же шепотом спросил я, – ведь ты же довольно хорошо говоришь на русском, чего же почти все время молчишь?

Иван скосился на меня своими маленькими, раскосыми глазами. В лунном свете было видно отраженное в них недоумение.

– Понимаешь, Андрей, слова-то от души происходят, а значит, чего зря болтать, душу растрчивать?

В этот момент дверь со скрипом приоткрылась.

– Кого там черт принес, прости Господи мою душу грешную, – донеслось до нас с той стороны двери.

– Открывай, батюшка, это я, Иван, да не один, а с одним хорошим человеком.

– Хорошие люди по ночам дома сидят, – распахивая дверь, проворчал священник. – Заходите, коль пришли, да ноги на пороге вытирайте. Нечего грязь-то в горницу нести.

– Строгий батюшка, – прошептал я на ухо Ивану, проходя в открытую дверь.

– Да уж, строгий. Это у него манера такая разговаривать. А так он добрейшей души человек. К тому же самый ученый на всю округу. В самой Москве учился когда-то, да.

– Проходите, проходите, чего там, в дверях топчитесь да шепчетесь. Да дверь за собой прикройте, – донеслось из глубины дома.

Мы, то и дело натываясь в темноте на какие-то предметы, дошли до прохода из прихожей в комнату. Комната, как в старину ее называли, горница, была маленьких размеров. Стояла в ней нехитрая мебель: длинный стол посередине, вдоль него две скамьи по обе стороны. Под окном маленький диван. Рядом с ним тумбочка. Вдоль другой стены печь. На стенах развешаны старые фотографии в рамках и иконки. Как полагается, имелся и красный угол, где несколько догорающих свечей освещали стоящие там иконы с образами. Вот и все убранство. Ко всему этому можно добавить стоящую возле стола весьма колоритную фигуру батюшки Сергия, одетого в подрясник, с висющим на шее, на серебряной цепочке, довольно увесистым серебряным крестом. В левой руке он держал канделябр с горящими свечами, правой поглаживал седую бороду. В свете свечей я рассмотрел лицо батюшки Сергия. Впалые щеки, широкий и высокий лоб, прямой, тонкий нос. Кожа его, словно светящаяся изнутри, была бледной и тонкой, как пергаментная бумага. Но главное – это были глаза. Серые, казалось, почти прозрачные, они излучали доброту и умиротворенность. Глубокие морщины спускались от их наружных углов к выступающим скулам. В эти глаза хотелось смотреть неотрывно. Ум, нет, скорее мудрость прочитал я в них. Батюшка улыбнулся.

– Меня зовут Андрей, – представился я. – Благословите, отче!

– Крещен? – Сергей приподнял бровь.

Я пожал плечами, так как не знал этого.

Священник все же перекрестил меня и дал приложиться губами к своей руке. То же сделал и Иван.

– Что привело вас сюда, дети мои? Мирские ли заботы вас тяготят, или духовные?

– Этот человек, – Иван кивнул в мою сторону, – он геолог, студент. Но кроме всего собирает предания народные да легенды. Очень его интересуется личность одна – Ефимий. Жил он ведь здесь давным-давно, все это знают. А сейчас, говорят, тот старик, что в местах наших объявился, и есть тот самый Ефимий, только старый очень. Триста лет все-таки прошло.

Сергий перевел на меня взгляд.

– Интересуешься, значит? Ладно, утро вечера мудренее. Давайте спать собираться. Завтра поговорим.

– Благодарю, батюшка, за гостеприимство, но мне уходить надо, – воспротивился Иван.

– Что ж, каждый хозяин своего слова. Раз надо, упрашивать оставаться не буду.

Иван повернулся ко мне и протянул руку. Я пожал ее.

– Спасибо, Иван, за все. Это просто удача, что мы встретились тогда, в Троицко-Печорске.

– Это просто удача, что я согласился быть вашим проводником.

Иван повернулся к священнику.

– До свидания, батюшка. – Иван перекрестился и быстро вышел из дома.

Сергий предложил мне на выбор диванчик у окна или печку, дал подушку, а сам удалился в спальню, пообещав на завтра баньку.

19 августа 1988 года. Я проснулся около девяти утра. Батюшки в доме не было. На столе стояла крынка молока и лежало полбуханки свежего хлеба и два вареных яйца. Я слез с печи. Вчера для ночлега я выбрал именно ее. Умылся холодной водой из рукомойника, которого вчера в темноте не заметил, поел и вышел на улицу. Село на самом деле оказалось не таким маленьким, как мне показалось в темноте. Но большинство домов пустовало, судя по заколоченным ставням. Я вышел во двор. Чтобы чем-то занять себя, я принялся колоть дрова. За этим делом и застал меня священник, пришедший, видно, из церкви.

– Бог в помощь, – сказал он. – Пойду-ка я баньку затоплю, как обещал.

– Благодарю, батюшка.

Сергий скрылся за углом дома. Какие все ж у нас удивительные люди! Не знает меня, а пустил на ночлег, накормил, теперь вот баньку затеял. Закончив с дровами, я осмотрел результат своей работы. Под навесом у забора выросла значительная гора аккуратно сложенных рядами дров. Надолго должно хватить.

Из-за угла дома появился отец Сергий и махнул мне рукой. Я воткнул топор в колоду и направился в сторону старика. Сергий молча проводил меня до стоящей за домом, чуть в стороне, маленькой баньки. Из трубы ее валил полупрозрачный дымок.

– Распоряжайся тут сам, – сказал батюшка. – Там в предбаннике венички березовые, белье чистое. Разберешься. Потом поговорим.

Хорошо напарившись и отхлестав себя по всем частям тела прекрасным березовым веником, через час-полтора я, довольный и умиротворенный, вернулся в дом, где меня ждал батюшка Сергий. На столе стояли русский самовар и чайный сервиз. На блюде лежал кусковой сахар.

– С легким паром, – улыбаясь, произнес Сергий. – Присаживайся. Отведай чайку со стариком. Сахар вот бери, там мед, сушки.

– Благодарю батюшка. – Я сел напротив священника.

Налив себе чашку чая и чуть отхлебнув, Сергий спросил:

– Так значит, что тебя интересует, Андрей, и кто ты, откуда в наших местах?

– Я будущий геолог, с партией тут нахожусь, а попутно фольклор народный собираю, легенды и сказания ради интереса. Интересует меня Ефимий. Много я слышал о нем от Ивана, проводника нашего. Говорил он мне, что жил в краях здешних лет триста назад солдат беглый. Якобы народ баламутил, бежать всех в страну Беловодскую агитировал. А потом пропал вдруг. Вот про страну эту Беловодскую узнать хочу тоже. Иван меня к вам привел. Сказал, что помочь можете в вопросе этом. Да тут еще Иван познакомил меня со старцем одним. В народе говорят, что он и есть тот самый Ефимий, что триста лет назад пропал. Чудеса он творит. Мальчонку тут спас одного от бешенства, да и Ивана выручил, погибнуть не дал в лесу.

– Чудеса, Андрей, что неподвластны сознанию нашему, только Господь делать способен. А старец этот, кем бы он ни был, лишь инструмент в руках Господа нашего, через добрые дела которого являет он себя миру. Кто он, старец этот, что Ефимием себя назвал, не знает никто. Да и узнавать не пристало. Все в мире от Бога. Видно, Богу угодно было наградить старца слепого даром людей исцелять, чтобы люди уверовали. Ведь совсем наша страна духом пала. В церковь не ходит никто. А кто верует, говорить об этом боится. Вот и ты креста не носишь, не знаешь, крещен ли? Такой тебе будет мой сказ. А что насчет того Ефимия, солдата беглого; есть у меня кое-какие сведения от отца Александра оставшиеся, что сто лет назад служил в церкви этой. Ее тогда только и построили. При Екатерине Второй

в краях этих скит был. Жил там схимонах Прокл. Глубоко верующий и образованный человек был. Много странствовал по свету, да так и осел в местах здешних. Оставил он после себя жизнеописание свое. Каким образом оно к отцу Александру попало, неизвестно. Среди прочего всего есть в нем упоминание о Ефимии, солдате беглом. Книга эта старинная у меня сейчас хранится.

– Батюшка, взглянуть-то можно будет?

– А чего ж нет. Ты пей чай. Чай вприкуску особенно сладок. Как напьешься, так и пойдем в мой рабочий кабинет. Там она.

А пока пьешь, меня послушай. – Беловодье то не что иное, как миф. Мифическая страна свободы и блаженства в русских народных преданиях XVII–XIX веков. По мнению старообрядцев, входящих в «Беловодскую иерархию» – старообрядческую церковь у поповцев, основанную в семидесятых годах XIX века и имевшую сторонников здесь, на Урале, в Сибири и Прикамье, находилась где-то на востоке. Реальным ее прообразом является Бухтарминский край на Алтае. Но не от Бога церковь та была. Секта это, как сейчас их называют. И учение это, что Ефимий людям предлагал, на котором церковь та держалась, – полный бред и невежество. Не может быть рая на земле.

Через полчаса мы с отцом Сергием осторожно перелистывали страницы старинной книги, склонившись над столом.

– Вот, нашел. – Сергей водил указательным пальцем по строчкам.

Текст был написан на старославянском языке. Я не понимал через слово, что вслух произносил отец Сергей.

– Простите, батюшка, но я ничего не...

– Не волнуйся, Андрей, что нужно тебе, я переведу.

Произнеся еще несколько непонятных слов, отец Сергей наконец стал читать, сразу переводя:

«Пришел ко мне в скит человек. Был он солдат беглый, прятался. Звался Ефимий. Рассказал, что идет на юго-восток, искать страну заветную, какую обозвал Беловодскою. Причудилась она ему во сне. Будто бы ангел ему явился и указал путь туда. Много он мне рассказал про страну ту. С ним вместе идти предлагал (дальше пропуск, затертые буквы). Все мы ищем Бога, но не каждый находит. Пусть идет. Господь с ним». А вот еще. Запись через пять лет: «Видно, много людей поверило Ефимию, с которым я пять лет назад здесь говорил. Бегут люди от жизни тяжелой искать рай на земле, Ефимием обещанный. Вчера был у меня один ходок, тоже ходил Беловодье искать, а теперь домой возвращается. Ночлега попросил. Говорил о том, что люди деревнями целыми бегут. Рассказывал, какие опасности на пути в Беловодье поджидают.

<Вот идет человек, и вдруг видится ему, что повсюду корзины раскиданы. Но это не корзины, а грудные клетки человечьи и верблюдов, тех, что пали на тяжком пути. Если же сумел пройти через пустыню, увидишь город, но там прежде тебя чума прошла, кто не помер, озверел и ест человечину. В воротах города силки на странников стоят, как на зайцев. Поймают – съедят. Потом будет глиняный город, где бьются меж собой четыре царя. Один из них отобрал у своих подданных медную посуду, переплавил, отлил пушки и победил других правителей.

Есть на пути поселки покрытых паршой, а также селения прокаженных. Эти гонятся за путником и норовят его лизнуть. В любом месте могут схватить и бросить в подземную тюрьму. И будешь пластаться в рудниках. Как ослепнешь, выпустят. Какая теперь дорога. Так и возвращаются обратно. Ходят теперь, стучат под окошками, Христа ради просят. Но вот одолел наконец путник все напасти, а тут перед ним черные горы. Хорошо, что рассекает их щель, можно пройти. Однако и тут не слава богу. В отщелках уместились цари с войсками, идет у них нескончаемая война. Один царь заказал в Туле десятиведерный золотой самовар

для пиров, а другой царь отбил самовар по дороге. Но самоварный кран успели доставить заказчику. Вот с тех пор и спор идет. Схватит владелец самовара странника: отвечай, какой царь теперь главнее, у кого самовар или у кого кран? Тот, понятное дело, говорит, что самовар главнее, куда кран сам по себе, что им затыкать? Царь и говорит: иди мол, знаток русских механизмов, во вражеский отщелок и там свидетельствуй. Поведут знатока, а навстречу под караулом другой идет, который уже другому царю показал, что кран-де главный механизм, а сам самовар с трубой и жаровней внутри – лишь прилагательный. Много беловодских путников на этом самоваре голову сложили >.

– Что ж, стало быть, так и не дойти до Беловодья? – поинтересовался я у ходока.

– Есть надежда, – говорил он. А потом словно кого-то цитировал: "Земли этой Беловодской только тот может достигнуть, кто душой и помыслами чист, кто всем желанием загорится обратно не возвращаться".

– Вот и все, – отец Сергей закрыл книгу и посмотрел на меня вопросительно.

– Спасибо, батюшка. Что я могу для вас сделать?

– Куда теперь пойдешь? – не обратив внимания на вопрос, спросил батюшка.

– В Троицко-Печорск, там меня друзья ждут и начальник партии геологической. Влетит мне, что убежал от них с Иваном.

– На все воля божья. Иди с богом, – батюшка перекрестил меня, и я, попрощавшись, вышел в горницу, взял свои вещи и отправился в сторону дороги.

К вечеру я добрался до Троицко-Печорска. Там встретился с Игорем и Степаном, но ничего им рассказывать не стал. Упомянул лишь, что в селе проводника Ивана остановился один старец, который знает много легенд и сказаний местных. «Такого пропустить я не мог», – сказал я им. Они не стали тогда больше меня расспрашивать. Раз надо было студенту – это значит надо. Через два дня партия отправлялась в Сыктывкар, откуда самолетом, с пересадкой до Москвы. Поселились мы на эти дни в маленькой гостинице.

Отправился я искать местную больницу. Очень было интересно с врачом поговорить, что мальчишку, одного из двух покусанных бешеным волком, с собой увез.

Нашел я эту городскую больничку. Там и встретил того врача, в инфекционном отделении он работал. Был это мужчина лет двадцати восьми – тридцати. У него было вытянутое лицо с натянутыми на кончик тонкого, костлявого носа очками. Худой, как тростинка. Встретились мы с ним вечером, когда врач возвращался с дежурства, присели в больничном парке на скамье под липой, и состоялся меж нами разговор. Было пасмурно, и врач все время ежилась при малейшем ветерочке. Он то и дело поправлял падающие на нос очки, пытаясь повнимательней меня рассмотреть.

– Так что вас интересует, молодой человек? – Врач поднял воротник и потер руки, предварительно подышав на них.

– Помните, доктор, вы как-то приезжали в одно село. Там были два мальчишки, которых волк бешеный покусал? Одного вы еще с собой увезли, а второй остался дома. Спасти его было невозможно. Поздно уж было.

Врач с тревогой посмотрел на меня. Даже перестал трястись.

– Простите, а вы кто? Вы не из...

– Да нет, я студент, геолог из Москвы. Меня зовут Андрей Зимнин. Так помните?

– Ну да, ну да, припоминаю что-то. – Врач опять в недоумении покосился на меня, натянув очки на глаза и придерживая их пальцем. – У мальчонки того шансов не было. Если первый, что был постарше и покрепче, мог кое-как бороться с инфекцией, то второй находился в терминальной фазе заболевания. Проще говоря, с минуты на минуту должен был умереть. А мое дело – живым помогать, кому еще помощь эта впрок пойдет. Поэтому я и сказал родителям правду. Нельзя было время терять. Надо было другого осматривать, может,

у него шансы были. Так, значит, и получилось. Выходили мы его в отделении. Сейчас бегают, небось, и не помнит, что с ним за история приключилась. А что собственно?

– Да ничего, доктор, просто мальчик тот, что умереть должен был, жив остался. Вот я и хочу спросить, возможно ли такое? Правда, жив он остался, благодаря старцу одному и лекарству его чудодейственному, что родителям умирающего дал.

– Постой, постой! – Врач отпустил палец, и очки снова упали ему на нос, – этого не может быть. Лечения от бешенства еще не придумано. Есть сыворотка антирабическая, но она лишь в периоде инкубации помочь может. Если опоздал, не ввел ее, все, не спасти человека. А ты говоришь, живой. Может, напутал чего?

– Говорю, живой. Станный тот старец. Он и другу моему помог, когда его в лесу медведь подрал. От ран вылечил, без всяких лекарств.

– Подожди, – засуетился врач, – это разговор серьезный. Пойдем-ка ко мне домой, там все и расскажешь про старика своего волшебного. – Врач встал, поежившись, втянул голову в плечи и зашагал бочком по аллее. – Пойдем, пойдем, – он обернулся и махнул мне рукой, – холодно что-то сегодня в парке-то сидеть. Дождь еще начал. Вот тебе и август.

Я встал и пошел за врачом. Жил он рядом с больницей, в двух кварталах, поэтому через 15 минут мы уже сидели на кухне у врача дома.

– Поставь чайник, – попросил он, – я сейчас.

Пока я искал спички и включал газ, врач вернулся из комнаты с большой книгой в руках. Он сел за стол и начал листать ее. Я смотрел на него внимательно и пока ничего не понимал.

– Что это у вас? – поинтересовался я.

– Значит, говоришь, жив остался. Вот, на, почитай. – Он подвинул книгу к краю стола, ближе ко мне.

– Бешенство, – прочитал я вслух. – Острая вирусная болезнь, возникающая после попадания на поврежденную кожу слюны инфицированного животного... Инкубационный период длится от семи дней до года (чаще 1–3 месяца). Что такое инкубационный период?

– В том-то все и дело. Это период накопления и внедрения вируса в ткани-мишени. В первую очередь, это нервная ткань. Длится он до первых клинических проявлений, стадии предвестников, когда появляется зуд, тянущие боли в области укуса или ослонения. Именно в периоде инкубации находился тот мальчик, что постарше. Ему повезло. Ты читай, читай дальше.

– Понятно, – кивнул я головой. – Смерть наступает через 12–20 часов после появления параличей. – Я поднял голову и посмотрел на врача. – Когда вы пришли, мальчик был парализован, так мне рассказывали.

– К сожалению, это так.

– После появления первых клинических симптомов спасти больного не удастся, – прочитал я дальше и закрыл книгу.

Врач сидел с удовлетворенным видом, явно давая понять мне, что я полчаса назад нес полную ахинею.

– Вы, молодой человек, должны понять, что сделать что-либо было невозможно. И потом, вы видели это своими глазами? Вы видели этого мальчика?

– Нет, не видел.

– В таком случае то, что вы рассказали, не есть факт. Согласны?

– В принципе, да. – Мне нечем было опровергнуть слова врача.

– А что вы говорили про какого-то старца?

– Дело в том, что я нахожусь здесь с геологической партией, но у меня есть одно увлечение. Я собираю различные легенды, сказания и прочие, не понятные нашему разуму истории. Можно сказать, что это мое хобби. В общем, старец этот словно не от мира сего. В народе

говорят, что ему триста лет от роду. Видели его тогда в различных местах Среднего Урала. Он ходил по селам да деревням, народ баламутил. Все агитировал бежать с мест насиженных в страну Беловодскую, якобы созданную по словесному чертежу Бога. Но потом пропал. А теперь снова появился из небытия. Вот именно он и помог, по слухам, тому мальчику.

– Было бы глупо полностью отрицать то, что вы рассказали мне, – врач повел бровями. Его бледная кожа и покрасневшие глаза говорили о том, что он либо болен, либо хронически не спит. – Про старца этого не слышал и про легенду о стране Беловодской тоже. А вот народная медицина хранит в себе много загадок и тайн. Но все легко проверить. Надо просто навестить эту семью. Если вы действительно увлекаетесь различными небылицами, могу рассказать вам одну. Правда, это был. И очевидцев этому больше чем предостаточно, как и тайны вокруг всего этого. Вы слышали что-нибудь о девочке по имени Лия? О ней писали в центральных газетах четыре года назад. Большие научные споры велись о ее феномене. Даже международная конференция была в Москве. Потом больше я о ней не слышал ничего. Так вот. Родом она почти из здешних мест. Более того, я был одним из врачей-стажеров, кто участвовал в ее комплексном обследовании, пока ее в Москву не забрали.

– Честно говоря, – я повел плечами и отрицательно качал головой, – ничего не слышал о ней.

– Тогда слушайте, Андрей, – продолжал врач.

– Одну минуту, – я достал свой блокнот, – я буду делать пометки, вы не против?

– Валяй, студент. – Доктор встал, вытащил из холодильника ополовиненный полуза-сохший лимон и выдавил его в кружку. Затем налил в нее чай. – Чайку?

– Спасибо, я потом. – Я раскрыл блокнот на чистой странице и, положив его на стол, приготовился слушать и писать.

Доктор с булькающим звуком отхлебнул чутка из кружки.

– Приболел я немного, вот лимончиком лечусь. Витамин С.

Я замер в ожидании. Наконец доктор уселся за стол и начал свой рассказ: «Дело было четыре года назад, как я уже говорил. Приехал в наш город дедушка из далекого поселения, что на Среднем Урале у реки Тавда стоит. Там еще гора рядом, одна из высоких на Урале, Денежкин Камень называется. Может, знаешь, геолог? Ну да ладно. Привез он к нам в больницу девочку, дочь, значит. И чего его к нам занесло, непонятно. Рядом ведь и Серов и Нижний Тагил, а чуть дальше того и Свердловск. Кто их, этих стариков, поймет? Может, родственники у него здесь жили. Пришел в приемное отделение и говорит, что дочь привез на обследование. Что-то не в порядке с ней. А девочка вполне нормальная, волосы черные, выющиеся, глаза карие и какие-то бездонные. Мордашка такая симпатичная. Сидит на кушетке в платьице красном, ножками болтает. Я как раз тогда на приеме был. Посмотрел я на деда. Выглядел он, прямо скажем, неважно. Худой, кожа серая, глаза запавшие. Я тогда еще предположил, что рак у него или туберкулез. И подумал, может, путает чего. Больше она на внучку похожа. Оговорился, наверно.

– А в чем, говорю, дело-то, что беспокоит?

– Да ее ничё не беспокоит, – отвечает дед шепотом, – с рождения самого не болеет ничем. Это вот меня беспокоит, и почему она растет так медленно? – Дед сильно закашлялся, достав из кармана грязный платок. – Ей уж 44 года, поди, а выглядит, он посмотри, на лет десять. Мне-то помирать уж скоро. Опухоль у меня в легких сидит, рак, значит. Старухи моей нет уже. На кого я девочку оставляю? Так бы была уж взрослой бабой, ничего. А тут? – Он через плечо посмотрел на ребенка. Девочка в это время расхаживала по коридору, оставиваясь и с интересом читая профилактические медицинские плакаты, развешенные по стенам.

– Дайте-ка ваш паспорт, дедушка, и документ на ребенка. Что у вас там есть? Свидетельство о рождении, что ли. Тогда я про себя подумал, что напротив меня роется в замусо-

ленной авоське, ища документы, обычный старый маразматик, безнадежно больной к тому же. Но, как выяснилось, я ошибался.

Наконец, прекратив кашлять и засунув платок в карман, он достал со дна сумки документы, завернутые в полиэтиленовый пакет и тщательно перевязанные суровой ниткой.

– Нате, доктор, – он протянул мне несколько потрепанных документов. – Два паспорта, свидетельство о рождении, выписка из роддома – больше ничего нет.

– А ее амбулаторная карта?

– Какая еще карта? Говорю же, доктор, не болела она никогда. Не обращались мы к докторам-то. Вот тока фельдшер местный че-то писала здесь пару раз, – он ткнул корявым пальцем на еще одну бумажку, торчащую из свидетельства. Это были отметки о нескольких прививках.

– Ладно, ладно, разберемся, дедушка. – Открыв паспорт, я прочитал: – Потапов Никодим Федорович, 1910 года рождения, сейчас 1984 год, значит, сейчас ему 74. Так, свидетельство о рождении: Потапова Нина Никодимовна, 1940 года рождения. Значит, сейчас ей 44. Я поднял глаза на старика. – Дедушка, а это точно ее свидетельство о рождении, может... А сейчас. – Я перелистал страницы паспорта. В графе дети числился один ребенок. Потапова Нина 1940 г.р. В ее паспорте на месте фотографии в шестнадцатилетнем возрасте была фотография четырехлетней девочки. Больше фотографии не менялись. Я ничего не понимал.

– Вот и я говорю, доктор, больна она може, хоть и не жалуется? Нинка, подь суды, – окликнул он ребенка, – поговори вот с доктором, познакомясь. – Дед снова закашлялся.

Пока девочка шла в моем направлении, я перебирал в голове различные симптомы и синдромы, характерные для наследственных болезней, характеризующихся задержкой роста и развития: Дауна, Шершевского-Тернера и прочие. А может, эндокринология? Гипофизарный нанизм, например? Правда, внешний вид ребенка не указывал на то, что у нее имеется хромосомная аномалия.

– Здравствуйте, меня зовут Лия. – Она улыбнулась приятной улыбкой, обнажив два ряда ровных белых зубов. Я отметил какую-то прямо сказочную красоту этой девочки.

– Нинка, опять ты за свое, – проворчал дед. – Какая к черту Лия? И хватит лыбиться.

– Меня зовут Лия, – не обращая внимания на отца, настойчиво повторил ребенок. – А как вас?

– Очень приятно, Лия, – я вышел из-за стола и протянул ей руку, – меня зовут Виктор Сергеевич.

– Значит, Витя. Красивое имя, – пожав мне руку, заключила она.

– Нинка, – вспылил дед, – засранка, опять? Как ты со взрослыми разговариваешь?

Я с интересом посмотрел на девочку.

– Скажи, Лия, тебя что-нибудь беспокоит? Может, болит чего-нибудь?

Девочка засмеялась.

– А, значит, папочка привел меня сюда на осмотр? – сотрясаясь в приступе смеха, проговорила она. – Все никак не может успокоиться. Ха-ха-ха. Вот старый лис. Говорил, что к знакомым идет, что здесь в больнице работают. Ладно, Витя, пойдем, что там, анализы сдавать или что еще? Уважу уж папочку. Да и самой интересно, почему я расту так медленно.

Я даже растерялся, но сумел взять себя в руки. Рассуждала она, прямо скажем, не по-детски. По крайней мере, умственные способности у нее были на первый взгляд в порядке.

– Ну что ж, пойдем со мной. – Я подтолкнул ее в спину, ростом она была мне по плечо. – Проходи в смотровую и раздевайся, вон там, за ширмой.

– Как раздеваться, совсем, что ли?

– Совсем, совсем. Мне надо тебя осмотреть.

– Ну, доктор, только не шали. – Она снова засмеялась и прошла за ширму.

Прошло минуты полторы.

– Кх, – кашлянул я в кулак.

– Все, Витюша, можешь заходить.

Я прошел к девочке. Увидев меня, она встала с кушетки и повернулась вокруг себя.

– Что, Витюша, все у меня на месте? – Она, улыбаясь, смотрела мне в глаза, стоя передо мной полностью обнаженная, стыдливо прикрывая одной рукой начинающий обзаводиться пушком темных волос лобок, другой – выпуклости только, только начинающих наливаться грудей.

Все наследственные аномалии, характеризующиеся задержкой роста, сопровождаются, как правило, отчетливо видимыми, характерными изменениями внешности и половых органов. Кроме разве что «чистой дисгенезии гонад», при которой отсутствуют соматические (телесные) аномалии, но есть недоразвитие внутренних половых органов. Внешне девочка была совершенно нормальной. Выглядела лет на 11–12.

– Ты, Лия, совершенно нормальный ребенок.

– Ребенок? Странно, что-то я не слышала о 44-летних детях. Конечно, если эти люди не инфантильные идиоты. – Она отвернулась и стала одеваться.

Сзади тело ее выглядело пропорционально сложенным. Более того, эти пропорции были, прямо скажем, идеальными.

– Подожди Лия, мне необходимо тебя послушать. – Я попытался вытащить из бокового кармана халата фонендоскоп, но он, сложившись, словно змея, выскользнул у меня из рук. – Черт, растяпа, – выругался я шепотом.

В это время девочка, надевая через голову платье, резко обернулась на звук упавшего прибора. Не успел я нагнуться, чтобы поднять его, как вдруг он, словно сказочный ковер-самолет, оторвался от пола и стал подниматься по воздуху вверх. Я взглянул на Лию. Она сосредоточенно смотрела из-под бровей, слегка опустив голову, на зависший в воздухе в полуметре от пола фонендоскоп. Мышцы ее напряглись, скулы заострились. Она медленно поднимала голову и глаза вверх, а вслед за этим по воздуху поднимался и фонендоскоп. Я стоял как вкопанный. Долетев до уровня моей шеи, резиновая трубка изогнулась, и, скользя одним концом вокруг шеи сзади, упала мне на плечи. Девочка улыбнулась и как ни в чем не бывало отвернулась и стала одеваться дальше.

– Э... что... – я схватил фонендоскоп и, сдернув его с плеч, поднес к глазам. Эт-т-т-о что было? – заикаясь, произнес я.

– А, ничего особенного, – Лия пожала плечами, наконец надела платье и уселась на кушетку. – Просто я так играю.

Я, как мне это было не трудно, придал лицу невозмутимый вид, пытаюсь дать понять, что ничего особенного не произошло.

– Посиди здесь, Лия, я сейчас вернусь.

– А как же послушать? – девочка засмеялась. Наверно, все же у меня, как я не старался, был глупый, растерянный вид.

– Что? – переспросил я.

– Послушать, Витюша, ты хотел меня послушать.

– Да, да, – выходя из смотрового кабинета, кинул я, – обязательно послушаю.

Прикрыв за собой дверь, я зашел в лабораторию, заказал общий анализ крови, мочи и биохимию. Затем по телефону вызвал гинеколога и педиатра. Я практиковался в инфекции. По моей части у девочки ничего не было. Дежурная медсестра измерила девочке давление, температуру. Когда все врачи собрались и осмотр был закончен, девочке был выставлен диагноз: здорова. Анализы ее полностью соответствовали всем показателям здорового 12-летнего ребенка. Врачи с непониманием смотрели на меня. Тогда пришлось рассказать все, что я узнал про Лию. Дед тем временем мирно дремал на лавочке в приемной. Все понимали, что это экстраординарный случай, и сошлись во мнении, что девочка нуждается в дообследова-

нии, поэтому была оформлена госпитализация в терапевтическое отделение, в отдельную палату. Лия согласилась при условии, что ее не будут размещать в педиатрии. Ее вывели из смотровой, и медицинская сестра проводила ее в отделение. Тем временем я подошел к ее отцу и слегка толкнул его за плечо. Дед с трудом открыл глаза.

– А, доктор. – Дел закашлялся. – Подь сюда, – он указал себе на рот и приложил палец к тонким, высохшим губам. – Че скажу.

– Ну. – Я наклонился.

– Не дочь она мне, – прошептал дед, – жена моя, царствие ей небесное, у крыльца дома ее нашла поутру. Подкидыш она, вот как. В корзинке лежала. Откель она, неведомо мне. Мож, инопланетянка какая. О сем никто не знает. А у нас дети-то не получались никак. Вот и приютили. В деревне тока о том знают, там от людей ниче не скроешь. Больше никто. Вот теперь ты. Все ее за ведьму принимают, в деревне-то. Дом наш стороной обходят. – Глаза деда закрылись. Из груди вырвался хрип.

– Ты это чего? – я снова схватил деда за плечо.

Но вместо того чтобы открыть глаза, он неестественно завалился набок. Я схватил его за запястье. Пульса не было. Дыхание отсутствовало. Никодим Федорович, отец странной девочки Лии, а по паспорту Нины, был мертв. Он добился своего. Теперь его ребенок будет под пристальным вниманием врачей. Более того, множества врачей и ученых аж в самой Москве. Но тогда я не предполагал этого, а он уже не мог предполагать.

– Сюда, сюда, – закричал я, стаскивая старика на пол, чтобы приступить к реаниматологическому пособию, – скорее, человек умирает. – Но приемное отделение было пустым. Кроме меня и трупа здесь никого не было.

Вечером этого дня, дождавшись, пока уйдут врачи из отделений, я поднялся в терапию. Пройдя в палату к Лие, я пододвинул стул к ее кровати и сел. Девочка лежала и читала журнал «Здоровье». Лица ее не было видно.

– Лия, – тихо произнес я, – тебе уже сказали про папу? – Я сильно волновался. Собственно говоря, я пришел сюда, чтобы утешить ребенка.

– Нет, мне ничего не сказали, – не отрываясь от чтения, прошептала она, – нояи без этого все знаю. Мой отец умер, так? – Она опустила журнал и посмотрела на меня полными слез глазами. – Мне тяжело, Витюша, я знаю многое, что не хотела бы знать. Я знаю то, что не могу видеть. Кто-то словно вкладывает в мой мозг информацию, и я не могу этому противостоять. Я плачу не по тому, что умер мой приемный отец. Да, я знаю это, но никогда не показывала вида, потому что люблю его. Я видела его душу, она сейчас несется сквозь прозрачные сферы тонкого мира на положенное ей место. И там, на положенном ей иерархическом уровне, она будет пребывать в спокойствии и ждать своего часа. Я плачу, потому что не пойму, за что и для чего мне все это? – Девочка откинула в сторону журнал, и, сев на кровати, крепко обняла меня за плечи. Просидев так около пяти минут, она расцепила руки и отпрянула от меня. – Ну, все, все, забудь то, что слышал. – Слезы в ее глазах высохли, и взгляд стал решительным и твердым. – Пусть я буду маленькой девочкой в твоих глазах, но не сумасшедшей. Забудь все. – Она снова упала на кровать и взяла в руки журнал, дав мне понять, что разговора больше не будет.

– Прости, – почему-то сказал я. Потом встал и вышел из палаты.

На следующий день пришел ответ на запрос, посланный главным врачом больницы в официальные органы по месту регистрации Потапова Никодима Федоровича. Из них стало ясно, что старик ничего не путал перед смертью. У него действительно была одна дочь 1940 года рождения, прописанная по тому же адресу: Нина Никодимовна Потапова. Главный врач сразу телеграфировал в Москву о таком неизвестном медицине феномене. Пока из столицы ехала представительная комиссия, сплошь состоящая из докторов наук, Лию замучили анализами и исследованиями.

Утром я снова зашел к ней. Она уже не спала. Я застал Лию стоящей у окна и смотревшей куда-то вдаль. Подойдя сзади, я положил руки ей на плечи. Она даже не вздрогнула.

– Смотри, Витюша, – она указывала в сторону больничного забора, где рабочий-флорист обрезал ветки на дереве, стоя на лестнице, – зачем он это делает?

– Ну, – начал я, – просто это лишние ветки. Они свисают прямо на провода линии электропередачи, идущей к больнице. Так положено, чтобы не было аварии.

Лия повернулась и посмотрела на меня как на ненормального.

– Разве могут быть лишними руки и ноги у человека? Если человеку отрезать руку, он сможет жить, если две, тоже сможет, но что это будет за жизнь. А если отрезать еще и ногу?

– Лия, но дерево – не человек, – сказал я, сразу поняв, что сказал то, чего не следовало говорить.

– Оно плачет и вызывает о помощи. Оно рыдает. Смотри, сейчас на этого человека сверху упадет ветка с соседнего дерева.

Я уставился в окно. Рабочий отрезал очередную ветвь пилой, и та полетела вниз, ударившись о забор. Вдруг с кроны стоящего рядом клена сорвалась застрявшая когда-то среди листвы засохшая ветка. Она пролетела мимо рабочего, но все же успела хлестнуть его по лицу. Человек схватился за щеку. На ней была кровь. Я повернулся к девочке. Ее взгляд торжествовал.

– Это ее друг. Он защищает ее.

– Кто?

– Этот старый клен.

– Как ты узнала, Лия? – удивленно спросил я.

– Все просто, Витюша, – девочка посмотрела мне в глаза, – ее друг сказал, что попытается помочь ей, бросив ветку в человека.

Именно тогда я подумал, что, если эта девочка попадет в руки ученых, ее просто погубят. Но спасать ее было не в моих силах. Кто я? Всего лишь обычный начинающий врач.

Сзади громко скрипнув, распахнулась дверь. В проходе стоял главный врач больницы.

– Через несколько часов к нам в больницу приедет высокая комиссия. Лия, собирай вещи. А вы, – он посмотрел на меня грозно, – идите на рабочее место.

Я развернулся уходить.

– Не волнуйся за меня, – пригнув мою голову, шепнула мне на ухо Лия, – со мной все будет хорошо. Я уеду, чтобы найти своего дэйва. Дэйва, который должен изменить мир. Это моя судьба, Витюша. Я должна быть с ним. Я должна помочь ему. Я чувствую. Кто-то постоянно внушает мне эту мысль. – Девочка чмокнула меня в щеку.

– Кто такой дэйв? – спросил я.

– Это по-нашему как король или царь, и имя у него будет довольно странное – Эрл. – Лия улыбнулась. – Не слышал про такого царя?

Я пожал плечами и вышел из палаты».

На этом записи в дневнике заканчивались. Надо ли говорить, какое впечатление они произвели на меня. Все это было очень похоже на фантастику. Но что-то подсказывало мне, что это не вымысел. Зачем это было надо моему отцу? И потом, слишком странно мой отец вел себя, пытаясь, чтобы этот дневник попал мне в руки. Он боялся. Боялся, что я не узнаю то, что должен был узнать. Теперь и я был посвящен, но оптимизма у меня не прибавилось. Если поверить во все это, то моя жизнь в опасности. В голове тогда созрело решение отправиться в экспедицию на Урал и Алтай и попытаться разузнать хоть что-нибудь об этом мифическом Беловодском царстве. Экспедиция состоялась весной 2038 года. Я собирал легенды и сказания о Беловодском царстве – рае на земле, якобы существовавшем в тех местах во времена Петра Первого. Собрав множество противоречивых и бездоказательных фактов, я

пришел к выводу, что Беловодье – обычный людской вымысел, мечта. Но это тоже результат. И он меня устраивал и несколько успокаивал. Я выступил с докладом на этнографической конференции и поместил статью о Беловодье в Интернете. Вот выдержки из нее: «Града настоящего не имам, а грядущего взыскуем».

«Почти три века это агитационное изречение царило в тайной мужицкой организации бегунов, или странников. Век за веком Беловодье, страна древнего благочестия, была блаженным островом, среди суеты мирской, куда путь вел в одну сторону, как на тот свет. Основателем секты, как подтвердилось, действительно был призванный в солдаты при Екатерине Второй, но бежавший со службы Ефимий, уроженец Переяславля, человек нравственных изысканий, начитанный, религиозный, способный противостоять неправдам мира. Учение его, изложенное в двух сочинениях, созвучно нашим дням. То было время, когда продолжались Петровские реформы, которые, считал Ефимий, доказывали приход антихриста, посланника сатаны, с безоглядной наглостью укоренившегося во всех частях Российского государства. Был Петр первым ненавистником для Ефимия. Как и положено пророкам, Ефимий в своем учении отвечал на вопросы: кто виноват? На что надеяться? Как поступать? Во что верить? Беловодская страна была для него идеалом мироздания. Однако уже последователи Ефимия глядели на Россию не глазами Христа, а глазами анархистов. С пафосом отрицания писались песни, тайные листки, сатирическая «Газета с того света». Бегуны обучали детей (случалось, даже выкупали незаконнорожденных) в тайных школах, иной раз в подполе, при свечах. У учеников на всю жизнь сохранялось убеждение, что они являются узниками несправедливого государства. Оно-то и питало дух фанатизма, давало силы противостоять «житию, согласному с мыслью антихриста». Крещение бегуна состояло в уничтожении паспорта, в проклятиях царю и всему государству. «Беги! Мы все здесь осквернились антихристом», – было главной заповедью.

Тайные, рисованные листки, призванные привести артели бегунов к стенам Беловодского царства, назывались «путники». Но была в них явная бессмыслица. Однако по картам этим уходили далеко. В «хождении инока Марка Топозерского», отправившегося в путь из олонекских скитов, сообщается, что сей инок в XVIII веке из Сибири прошел в «стань Губарь» (Гоби), достиг Китая и «Опоньского государства», в соседствии с которым на море-окияне и лежало Беловодье.

Беловодские маршруты заводили «град взыскующих» на Аляску, на Гавайи (даже там были русские поселки), в самые глубины Азии. Искали заветный край в Афганистане, в Индии. Доходили до Тибета, до озера Лобнор. Рерих записал рассказы о поисках Беловодья в Гималаях, что привело его к мысли отождествить Беловодье с Шамбалой.

Особенно популярно было Беловодье в среде казачества. В 1898 году съезд уральских казаков отправил трех казаков поискать град Левек, столицу Беловодья, для чего надлежало «осмотреть восточный индокитайский полуостров и прочие восточные острова». Казаки отправились из Одессы на пароходе, но результатов этот поход не принес. Ранее новочеркасский казак снарядил экспедицию, которая добралась до Бомбея и Малабарского берега.

В бегунской иерархии существовало несколько ступеней. Основные из них – «беглые» и «жилые». «Жилые христиане», как правильно они назывались, были низшей ступенью в иерархии. «Жилым» разрешалось не бегать, подчиняться властям «телесно, но не духовно». Они заботились об общем имуществе секты, содержали пристанища для тех, кто бегал, кормили и одевали, ведь бегуны не брали в руки ни денег, ни паспорта: там герб, печать антихриста. Однако и «жилые» сохраняли обязательства под конец жизни пуститься в бега и умереть не под своим кровом»

Я нашел в архивах и некоторые документы: <донесения земскому начальнику о бегстве в степь крестьянских семей, табеля – отчеты заводских контор и судебные дела крестьян, готовых бежать в Беловодье. Еще некоторые записи, услышанные от людей на Алтае:

дома их начальников, стало быть, «двенадцати», о которых говорил Ефимий, есть саманные, стены обклеены обертками от леденцов. А вот еще: в Актюбинске после войны останавливался дед, что говорил, якобы из Беловодья возвращается до дома. Мог сесть по-казахски, глаза закрыть и подняться на полметра от земли. Ему на базаре подавали>

Вывод из всего этого напрашивался однозначный: никакой Беловодской страны не было и нет. Именно так я и закончил свой доклад в Глобальной сети. А для себя я сделал вывод, что все, о чем писал мой отец, было очень красивой легендой, основанной на учении беглого солдата Ефимия, переименованной «Беловодской церковью» в своих интересах. Сам же Ефимий, что встретился моему отцу в окрестностях Троицко-Печорска, не кто иной, как один из последователей этой церкви. По всей видимости, старообрядец, владеющий тайным знанием знахарства. Во время экспедиции я был и в том селе, в окрестностях которого встретил мой отец таинственного старца. Никто о нем уже не помнил. Только тот малец, которого Ефимий спас от бешенства, будучи почти пятидесятилетним мужчиной, смутно вспоминал рассказ своего отца о том, какое чудо произошло с ним в шестилетнем возрасте. На этом мои изыскания закончились. Конечно, я узнал много интересного о никогда не существовавшей, вымышленной стране Беловодье, но не более.

Было много откликов на мою статью. Но вся эта история вдруг получила продолжение осенью 2038 года.

Глава 2. Сокровище старика

Осень 2038 года была жаркой. Как утверждали ученые, из-за глобального потепления, которое в свою очередь происходит то ли из-за вредных выбросов в атмосферу, то ли из-за того, что Солнце постепенно притягивает к себе планеты Солнечной системы. Говорят, что Земля в конце концов должна упасть на Солнце или погибнет от парникового эффекта, но этого все равно никто из моих современников не увидит. Это будет в далеком будущем.

По визору диктор рассказывал о грандиозном проекте по спасению человечества от надвигающейся экологической катастрофы, предложенном миру Томом Смитом – американским астрофизиком. Про огромные космические корабли-дома, которые уже выведены на орбиту Марса. Эти корабли вмещают до пятисот пассажиров. О корабле-разведчике, который должен направиться к Красной планете для исследования таинственных пустот на глубине шести километров, обнаруженных десять лет назад. Предположительно они искусственного происхождения, и их необходимо исследовать для возможности создания в них подземного, вернее, подмарсного города, куда потом переселятся люди с кораблей-домов. Это будет началом колонизации Марса. Шесть лет назад, когда Том Смит предложил все это, находилось много скептиков, но теперь корабли-дома уже готовы для приема первых жителей, а впоследствии колонистов.

Я приглушил звук и сосредоточился на работе по написанию научной статьи. На дисплее монитора старенького ноутбука, считывающего произнесенные мной вслух слова, появлялись все новые и новые строчки.

Старенький комнатный кондиционер не справлялся. Его тихое гудение и духота действовали мне на нервы. И тут компьютер, то ли от духоты, то ли от моего раздражения, стал издавать какие-то пищание звуки. Я взглянул на часы дисплея. 20:47. «Пора прогуляться и заскочить в кафе», – пронеслась мысль в моей голове. Я собрался отключить компьютер, но сделать это у меня не получилось. Нет, не из-за поломки. Прилетело сообщение по электронной почте с пометкой «срочно» от кого-то под ником «твой давний друг». Пришлось задержаться и прочитать это послание.

«Здравствуй, Эрл. Мне нравятся твои научно-исследовательские статьи по этнографии и антропологии. Ты уверен, что Беловодского царства нет? Это не совсем так. Просто у тебя нет ключа к его вратам. Пока нет. Однажды ты проснешься, и твоя жизнь перевернется. Будь готов к испытаниям, будь готов встретить свои сны».

Галиматья какая-то. Интересно, кто это? И откуда он знает про мои проблемы со сном? Я послал в обратный адрес вопрос: «Кто Вы и как все это понимать?» Пятнадцать минут ожидания оказались безрезультатными. Вздыхнув и отключив компьютер, я направился к выходной двери, спустился по лестнице и вышел на улицу. Мой путь лежал в ночное кафе.

Маленькое ночное кафе с баром находилось через несколько кварталов, на первом этаже старинного дома. Там каждую ночь за чашечкой кофе, а то и чего-нибудь покрепче собирались такие же, как я, полуночники. Посмотрев по сторонам, я перешел дорогу. Я шел туда, где в кругу знакомых можно было приятно провести время и не вспоминать о повседневных проблемах. Собирался в кафе один и тот же контингент. Люди приходили сюда отдыхать, поговорить о чем-нибудь приятном, поделиться друг с другом разными интересными историями и, как правило, засиживались до раннего утра, после чего расходились кто куда. Казалось, что они вообще никогда не спят.

– Эй, дядя, смотри на дорогу, – крикнул, высунувшись из открытого окна пролетевшего, как ракета, и чуть не сбившего меня с ног импортного автомобиля, какой-то парень с ярко окрашенными в белый цвет волосами. – Не спи на ходу, козел.

Ответить на грубость было некому. Машина уже отъехала достаточно далеко и остановилась у тротуара метрах в ста от меня. Вслед ей лишь скакала по асфальту пустая жестяная банка из-под пива, очевидно, брошенная тем, белобрысым. Хотя белобрысый парень был прав. Я действительно задумался и не заметил, что иду по проезжей части.

Недалеко от входа в кафе припарковался белый лимузин. Хозяина не было видно, но у дверей кафе стояли столбом два бугая в дорогих костюмах и, несмотря на то, что уже вечер, в черных очках. Подойдя к дверям, я остановился, затем сделал шаг вперед. Бугаи заградили мне дорогу.

– В чем дело? – возмутился я, подумав про себя, что их хозяин может делать в этом совсем не отличающемся дороговизной и шикарностью интерьера кафе? А что он там, не было никаких сомнений.

Они смерили меня взглядом, о чем можно было догадаться по тому, как они качнули головами.

– Проходите, – ответил басом один из бугаев.

Я сделал еще шаг, и прежде чем успел толкнуть дверь, один из них выставил вперед руку, на которую я наткнулся грудью.

– Руки убери, – жестко потребовал я.

– Прошу прощения, – извинился второй, – вынужденная мера безопасности. – И быстро ощупал меня с ног до головы. – Чист, – заключил он, выпрямившись. Первый убрал руку. – Проходите, – тем же басом, с совершенным отсутствием мимики на лице, сказал он.

Толкнув дверь, я вошел внутрь кафе, решив не обострять ситуацию. Бугаи делали свою работу. Намного интересней было то, кого они охраняют. В полумраке приглушенно играла музыка. Людей было мало. Я прошел к свободному столику, за которым обычно сижу и, отодвинув стул, сел. Оглядевшись по сторонам, когда мои глаза полностью привыкли к слабому освещению, я увидел несколько знакомых лиц. Люди кивали мне в знак приветствия головами, и я, улыбаясь, поприветствовал их тем же. Но тут меня заинтересовал седобородый старик, одетый в серый балахон, который ему был явно велик. Он сидел прямо у входа в кафе за столиком на одну персону, не двигаясь и смотря в одну точку выцветшими глазами. Его стариковские руки покоились на столе. Я заметил, что он ничего не пьет и не ест. Тогда мне показалось, что он слепой. Судя по его внешности, он точно не мог быть владельцем шикарного лимузина. В моей голове промелькнула мысль о том, что он чем-то смахивает на старика Ефимия, о котором писал мой отец. Да нет, бред. Я мотнул головой.

Подошел официант, которого завсегдатаи кафе звали просто Саныч.

– Что будете заказывать? – улыбаясь, произнес он, заставив меня отвлечься от созерцания седобородого.

– Как всегда, Саныч, – ответил я и вновь перевел взгляд на столик, где сидел старик. Но его уже там не было. Входная дверь звякнула колокольчиком. Старик скрылся за ней. «Как успел», – пронеслось у меня в голове. Я пожал плечами и тут же забыл про него.

Через несколько минут на столе передо мной стояла чашка горячего черного кофе и пепельница. Я сделал маленький глоток душистого напитка, достал сигареты и закурил. Скоро должны прийти Андрей и Игорь, мои давние друзья, и мы, как всегда, будем болтать о всякой чепухе. Я еще раз осмотрелся по сторонам. Где же сидит этот таинственный и богатенький посетитель? Обернувшись, я заметил человека, сидящего за столиком в конце зала, в углу. Он неотрывно смотрел на меня, и от его взгляда мне стало как-то не по себе. Хотя в полумраке глаз его не было видно, только лишь две черные глазницы, как две черные дыры, зияли пустотой. Но я чувствовал, что он смотрит именно на меня. Я постарался не отводить взгляда и, улыбнувшись, кивнул головой в знак приветствия. Человек никак не отреагировал.

– Саныч, – крикнул я, – подойди на секунду.

– Слушаю вас, – словно из неоткуда вдруг появился официант. – Что-то еще желаете?

– Скажи, Саныч, кто тот человек? – Я кивнул в направлении незнакомца.

– Не могу знать, – отчеканил официант. – Этот человек здесь никогда не появлялся. Он пришел за несколько минут до вас, ничего не заказывал, просто сел за тот столик и с того времени так и находится там.

– Прошу тебя, Саныч, пригласи его ко мне и, если он согласится, принеси еще одну чашечку кофе. Не часто у нас бывают новые люди.

– Слушаюсь, господин, – засуетился официант и направился в сторону незнакомца.

Пока Саныч шел по залу, лавируя между столиками, я еще раз посмотрел в сторону этого странного человека. Одет он был по осени, но, по-моему, с явным перебором. Хотя на улице стояла жара, на голове его возвышалась широкополая шляпа, которую он не удосужился снять, впрочем, как и черный плащ с поднятым вверх воротником и застегнутый на все пуговицы.

Казалось, что человек забежал в кафе на несколько минут, явно не собираясь засиживаться здесь надолго. Наконец Саныч подошел к нему и, наклонившись к его уху, передал мою просьбу. Человек кивнул, медленно встал и направился в мою сторону. Подойдя к моему столику, он молча сел. Я наконец смог рассмотреть его лицо. Человек, сидящий напротив меня, был стар. Морщины испещряли его треугольное, осунувшееся лицо. Нос тонкий, кривой, с горбинкой посередине. Губы узкие, сомкнутые, со скошенным вниз левым углом, который подергивался. Волос из-под шляпы видно не было, скорее всего этот старик был лыс. Но самыми выразительными в его облике были глаза, маленькие, немигающие, излучающие ненависть и злобу. Старик молчал. Пауза затянулась. В это время подошел Саныч с чашкой заказанного мной кофе, поставил ее на стол перед незнакомцем, поинтересовавшись, будет ли он что-нибудь заказывать.

– Нет, – наконец нарушив молчание, скрипучим голосом резко ответил старик. – И попрошу нас не беспокоить и никого не подсаживать к нам за столик, даже если на этом будут настаивать его, – он кивнул головой в мою сторону, – друзья. – Официант посмотрел на меня вопросительно.

– Да, да, Саныч. Сделай все так, как говорит этот человек, – вдруг услышал я свой голос, хотя все во мне кипело от возмущения таким наглым поведением этого старика. «Видимо, предстоит интересенький разговорчик», – подумал я про себя.

Когда официант достаточно удалился, старик, кашлянув в кулак, уставился на меня изподлобья своими маленькими злыми глазками и тихо произнес: «Я пришел сюда за ответом, Эрл. Советую тебе не делать глупостей и резких движений, а то мои телохранители свернут тебе шею или просто пристрелят».

От неожиданности я даже поперхнулся, так как делал в это время очередной глоток кофе. Краем глаза я заметил, что один из его бугаев сел через столик от нас и пристально смотрит на меня. Пиджак его был расстегнут, и я явно увидел висящую у него под мышкой кобуру пистолета.

– Извините, – произнес я не совсем уместную после услышанного мной фразу. Видимо, заметив мой изумленно-растерянный взгляд, старик добавил:

– У тебя есть шанс остаться невредимым, Эрл. Ты должен вернуть мне мое сокровище, а я заплачу тебе за это неполхие деньги.

– Какое сокровище, какие деньги? И вообще, кто вы такой? – я попытался взять себя в руки и инстинктивно начал подниматься.

– Сядь, – резко бросил старик. – Кто я такой? – уже спокойно произнес он, дождавшись, пока я усядусь. – Кто я такой, не имеет для тебя никакого значения. Важно лишь одно. Ты должен вернуть его мне. И сейчас ты дашь мне слово, что именно так ты и сделаешь. В противном случае ты умрешь прямо здесь, в этом задрипанном кафе, за этим загаженным мухами столом. – Замолчав на секунду, он продолжил. – Ну, так что?

– Бред какой-то, – вымолвил я еле слышно. Голос мой охрип, во рту пересохло. – Я не пойму, о чем идет речь. Но если вы говорите о каком-то сокровище...

– Это минерал или как вы там его называете? Ты знаменитый геолог, тебе лучше знать.

– Тут какая-то ошибка, – с облегчением произнес я, подумав, что этот старик со злыми, хищными глазками меня с кем-то перепутал. – Я давно не занимаюсь геологией и тем более не занимаюсь коллекционированием драгоценных камней, антиквариата и тому подобное. Мне просто нечего возвращать. И потом, как я могу вам что-то возвратить, если ничего у вас не брал? Я же впервые вас вижу.

– Ты, наверно, принимаешь меня за ненормального, съехавшего с катушек старика? – зло прошипел дед. – Но ты действительно не знаешь и не понимаешь, о чем идет речь. У тебя действительно нет сокровища. Пока нет.

– ?

– Я дам тебе его сам. Прямо здесь и сейчас. Ты должен осмотреть его и дать мне экспертную оценку, определив, что это такое. Затем ты вернешь его мне и забудешь о том, что видел. Твое молчание будет стоить тебе богатства.

– Но почему бы вам просто не прийти ко мне в лабораторию? Без соответствующей аппаратуры будет трудно...

– Заткнись, Эрл! – грубо прервал меня старик. – Ты не в том положении, чтобы предлагать и советовать, – раздраженно добавил он, кашлянув в кулак.

Он осторожно вытащил из кармана плаща складную лупу, маленькую, меньше, чем с ладонь взрослого мужчины, чем-то похожую на футляр для очков, резную шкатулку и положил их передо мной. Из другого кармана достал пластиковую банковскую карту и небрежно бросил на стол рядом со шкатулкой.

– После того как помотришь на минерал, сразу вернешь его мне и можешь забрать карточку себе. Код написан на ней. Но прежде ты должен дать слово, что забудешь о том, что видел. И помни, я достану тебя из-под земли, если хоть одно слово кому-нибудь.

Дело принимало какой-то мистический оборот. «Но в конце концов, чем я рискую, если соглашусь на предложение старика и избавлюсь наконец от этого сумасшедшего? Ничем. Судя по его рассказу, то, что лежит в этой шкатулке, ему очень дорого, раз он называет это сокровищем», – подумал я тогда.

– Хорошо, – сказал я, – даю слово честного человека, что, увидев этот минерал, – я посмотрел на шкатулку, – сделаю все так, как вы хотите. Даю слово, что все, что я увижу, останется тайной.

– Я знал, что разговариваю с умным человеком, – удовлетворенно выдохнул старик и откинулся на спинку стула. – Не будем тянуть время, возьми его. Даю тебе пять минут. – Старик подтолкнул шкатулку ко мне поближе.

Я взял ее в руки. На первый взгляд это была старинная вещь, вырезанная из слоновой кости и красного дерева. Щелкнув миниатюрным замком, я открыл ее. То, что я увидел, привело меня в замешательство. Внутри шкатулки было пусто. Я вопросительно посмотрел на старика.

– Но здесь... ничего нет, – неуверенно произнес я.

– Не тяни время. Если ты ничего не видишь, это не значит, что там ничего нет.

Я запустил пальцы в шкатулку, и, к моему удивлению, они наткнулись на что-то твердое и ребристое. Старик пристально наблюдал за каждым моим движением, напрягшись, как натянутая струна. Поддев «это» пальцем, я осторожно вытащил «нечто» из шкатулки и положил себе на ладонь. Размер его был примерно со средней величины грецкий орех. В тусклом свете ламп начали слабо проявляться очертания предмета, в конце концов слившиеся в единый призрачный образ. Я посмотрел на него через лупу. Без сомнения, на моей ладони лежало что-то очень похожее на алмаз, которого едва коснулась рука ювелира. Причем алмаз

чистой воды. Взяв лупу, я стал рассматривать его пристальней, что стоило мне огромного труда, так как пришлось сильно напрягать зрение. Такой огранки сейчас не используют. В ювелирном деле применяют чаще два ее вида: бриллиантовую с треугольными и клиновидными гранями и изумрудную с прямоугольными, расположенными ступенями гранями. Здесь же минерал был огранен в форме октаэдра. Такую технику огранки применяли древнеиндийские ювелиры. Но самое главное было то, что он был прозрачен, можно сказать, невидим. Это, без сомнения, означало, что он практически полностью пропускал сквозь себя свет. Доказательством тому служило отсутствие тени от этого минерала. Я перевел взгляд на старика. Правая его рука теребила край шляпы и при этом сильно тряслась. Не скрою, в тот момент мне захотелось оказаться в своей лаборатории, чтобы досконально разобраться в структуре этого невозможного чуда. Чтобы этот старик провалился сквозь землю вместе со всей его мистикой, а сокровище, как он его называет, осталось бы у меня навсегда. Ведь то, что я держал в руках, несомненно, представляло огромный интерес для науки. Но я отбросил эти мысли в сторону. Снятая шляпа с головы старика скорее всего и есть тот знак, после которого, как он сказал, мне свернут шею или тому подобное. Да и слово свое я никогда не нарушал.

– Спасибо, – переборов себя, сказал я, кладя камень обратно в шкатулку, заметив при этом, что это стоит мне определенных усилий. Я поймал себя на мысли, что не хочу отдавать его старику. – Спасибо, что дали возможность прикоснуться к чуду.

– Я жду, – резко бросил старик, мгновенно засунув шкатулку обратно в карман.

– Много я сказать не могу. Предположу, что этот минерал является не чем иным, как алмазом чистой воды, к которому была применена древнейшая технология огранки. Минерал подвергается шлифовке, чтобы улучшить в нем игру света. Но в данном случае, так как алмаз практически невидим, огранка явно применялась не для получения блеска и игры, а для того чтобы он был хоть сколько-нибудь различим на свету.

Значит, сам минерал просто неразличим человеческим глазом, по крайней мере. Проще говоря, он был огранен, чтобы не потерялся. В природе таких минералов не встречается, или мы просто о них ничего пока не знаем.

– То есть однозначно сказать, что это алмаз, нельзя? – прошептал старик.

– Такого беглого осмотра недостаточно для верного заключения. На природный минерал это не совсем похоже.

– Божественный, – еле слышно прошептал старик и громко добавил: – Ты сильный человек, Эрл Зимин. Ты оказал мне неоценимую услугу. Я знал, я знал это. Теперь он будет моим до конца, и когда уйду я, тогда вместе со мной уйдет и он. – С этими словами старик медленно поднялся. – Карточка твоя, – он кивнул на пластиковый прямоугольник, лежащий на столе. – Там достаточно денег, чтобы ты молчал как рыба, – уже удаляясь в сторону выхода, бросил он через плечо. Охранник вышел за ним следом.

Когда дверь за ними закрылась, я еще не пришел в себя и сидел, как будто в оцепенении. Может быть, я сплю. Я даже ущипнул себя. Нет, я не сплю. Расскажешь кому, не поверят, да еще и подумают, что свихнулся. Но камень, назову его так, я держал в руках. Невероятно.

Вдруг с улицы раздались крики, затем стрельба, выведя меня из состояния прострации. Несколько автоматных очередей. Затем глухой удар, скрежет металла о металл. Затем одиночные выстрелы, длинная автоматная очередь, и все стихло. Вдали послышался вой сирен.

Я вскочил, засунул карточку в карман пиджака и как сумасшедший кинулся к выходу. Саныч, что-то крича, попытался преградить мне дорогу. Но я словно не видел его и как цунами смел его со своего пути. Выбежав из кафе, я увидел метрах в пятидесяти лимузин, врезавшийся в металлический фонарный столб. Я рванул в его сторону, совершенно забыв о безопасности. На бегу я заметил быстро удаляющуюся от лимузина иномарку. Что-то знакомое мне показалось в ней, а потом перед глазами всплыло ухмыляющееся лицо белобры-

сого парня, любителя баночного пива. С противоположного конца дороги уже неслись в мою сторону две патрульные машины. Подбежав к дымящемуся, насквозь прошитому пулями лимузину, я увидел на дороге тело одного из бугаев-охранников. Он лежал, раскинув в стороны руки, голова его была в луже темной крови, а из левого глаза торчал осколок черного стекла от очков. Это был водитель. Тело второго лежало у открытой дверцы. Скорее всего, оно просто вывалилось из нее. Грудь его была прошита автоматной очередью, рука сжимала пистолет. По всей видимости, он пытался отстреливаться, закрывая собой хозяина, сидевшего в машине. Приоткрыв дверь, я увидел внутри салона того, кого хотел увидеть больше всего. Старик был еще жив. Глаза его были широко раскрыты, он что-то пытался сказать, шевеля губами, но из его рта и простреленной трахеи выходили только булькающие звуки и кровавые пузыри. Я пригнулся, чтобы пролезть в салон, и в этот момент раздался выстрел. Жгучая боль обожгла мое плечо, и меня откинуло назад. Рука старика, сжимавшая пистолет, бессильно опустилась, оружие вывалилось из ладони. Зажимая рану в плече, я все же протиснулся в салон, ругая себя за столь опрометчивый поступок и неосторожность. Старик с трудом поднял руку и вцепился худой, костлявой пятерней мне в окровавленное плечо, заставив меня вскрикнуть. «Они хотели забрать...» – он громко сглотнул кровавую слюну. «Эрл, я ошибся, судьбу не... сокровище... тебе... проклятие...» – прохрипел он еле слышно. Глаза его закрылись, и рука, секунду назад сжимавшая мое плечо, безвольно упала. Я осмотрелся. Раскрытая шкатулка валялась на полу возле сиденья, на котором несколько минут назад сидел старик, видимо, держа ее в руках. Подняв ее, я запустил внутрь пальцы. Камня не было. «Черт», – выругался я. Мой взгляд блуждал по салону с дорогой обшивкой. «Где же, где? Неужели они все-таки забрали...?» В этот момент старик захрипел, широко раскрыв глаза, которые начали вылезать из орбит. Он задыхался, смотря на меня безумным взглядом и протягивая в мою сторону руку с зажатым, окровавленным кулаком. Последний хрипло-булькающий вдох, и рука его упала на пол. Широко открытые глаза с огромными зрачками безжизненно уставились в потолок. Старик был мертв. Я разжал его пальцы, весь дрожа от волнения. Через секунду камень оказался в моей ладони. Быстро обтерев его от крови носовым платком, я положил его в шкатулку, закрыл ее и засунул во внутренний карман пиджака. Держась за плечо, я кое-как вылез из салона.

В это время подъехала, оглушая сиреной, первая полицейская машина.

– Стоять, – прокричал один из выскочивших из машины полицейских, – не двигаться! Он резко схватил мою поврежденную руку, вывернул ее за спину, заставив взвыть меня от боли, и подсечкой сбил меня с ног. После чего в мой затылок уперлось холодное дуло автомата. Его напарник тем временем осматривал разбитый лимузин.

– Я ничего не сделал, – простонал я, – только хотел посмотреть, может, кому-то понадобится помощь. Я только...

– Молчи, сука, – резко оборвал полицейский, сильно надавив коленом мне на спину. – Разберемся.

– Коля, – крикнул он своему напарнику, – что там у тебя?

– Три трупа, кэп, – раздалось в ответ. – У всех оружие.

– Ну что, гаденыш, кто их замочил? – раздался надо мной голос, как теперь я знал, офицера полиции. При этом он умудрялся методично обшаривать мне карманы.

– Я никого не мочил, я просто хотел...

– Ладно, разберемся, брат милосердия, блин. – Капитан наконец слез с моей спины, но ствол автомата был направлен точно мне в голову. – Вставай! Медленно!

– У этого оружия нет, Колян, – крикнул он в сторону своего напарника. – Ну-ка, руки на капот, ноги в стороны, быстро.

Я подчинился. Этим ребятам сопротивляться, даже словесно, себе дороже. Руки капитана еще раз прошли по моей одежде. «Что за вечер, – подумал я. – Второй раз обыскивают. Боже, ведь он сейчас найдет»...

– А это что такое? – Капитан держал в руках шкатулку.

– Это моя шкатулка, – смущенно ответил я, надеясь, что он не будет ее открывать. В глазах у меня стало двоиться, голова кружилась. Я чувствовал, что слабею с каждой секундой. – В ней мои очки, – неожиданно для себя соврал я.

– Очки? – спросил он. – Что-то ты, мужик, темнишь. Это просто какая-то старинная хреновина.

– Эта вещь действительно старинная, – хриплым голосом утвердительно ответил я.

– Очки, – ухмыльнулся полицейский, положив шкатулку на багажник лимузина рядом с изысканными у меня им же ранее ключами, электронным паспортом, визиофоном и портмоне.

В этот момент ноги мои подкосились, и, пошатнувшись, я стал медленно оседать вниз.

– Колян, – крикнул он напарнику, который в это время что-то неразборчиво говорил по рации. – Посмотри его плечо, он, кажется, ранен. Там кровь. Бинт в аптечке возьми.

Засунув рацию в нагрудный карман, полицейский в звании сержанта быстро подошел ко мне, защелкнул наручники у меня на запястьях. В это время я уже сидел на асфальте, привалившись спиной к колесу лимузина. Меня тошнило.

– Кэп, – обратился он к напарнику, – оперативники уже на подъезде. Они им займутся. – Сержант разорвал резким движением рукав пиджака и рубашки на моем плече. Рана была неглубокая. Видимо, пуля прошла по касательной.

– Не дрейфь, до свадьбы заживет. Только мягкие ткани задеты, – вдруг по-доброму сказал сержант, видимо, знающий толк в медицине. – Я ведь вас узнал. Вы недавно по ящику выступали, о путешествии на Алтай рассказывали в «путеводителе странника». Я эту программу всегда смотрю, если только не на службе.

Сержант со знанием дела стал быстро накладывать мне на рану давящую повязку.

– Слушай, как тебя там, Эрл Андреевич Зимнин, язык можно сломать, – Капитан держал в руках мой электронный паспорт. – Ты ничего не видел здесь, в смысле, как все происходило? Кто стрелял, откуда? – спросил он.

– Почему же не видел, видел. Когда стрельба стихла, я выбежал из этого, – я кивнул в сторону кафе, – заведения. Метрах в ста пятидесяти отсюда, на другой стороне улицы была припаркована машина, кажется, БМВ белого цвета. Когда я заходил в кафе, я видел, как она остановилась именно там. За рулем сидел белобрысый парень, по всей видимости, пьяный, так как выбросил из окна пустую пивную банку. Проезжая мимо меня, он чуть было не сбил меня с ног. Так вот, когда я вышел из кафе, его машина резко рванула с места и исчезла за тем поворотом. – Я указал неповрежденной рукой в сторону Садового кольца.

– Номера случайно не запомнил?

– Нет, – я мотнул головой.

– Сколько времени прошло от начала стрельбы до того, как ты выбежал из кафе? – допытывался капитан.

– Думаю, что минуту продолжалась стрельба, а потом примерно через тридцать секунд из кафе выбежал я. Меня задержал официант.

– А зачем ты побежал? – поинтересовался как бы между прочим капитан.

– Не знаю, – пожав плечами, ответил я, – я был в шоке и не понимал, что делал. Впрочем, все побежали к окнам. Я подумал, что кому-то нужна помощь.

– Хорошо. А где тебя зацепило, если, выбежав, ты уже не слышал стрельбы?

– Я еще раз повторю. Я был в шоке и не совсем понимал, что делал. Возможно, я просто не слышал выстрела, когда бежал к лимузину. То, что я увидел, согласитесь, любого ввергнет в шок, – опять соврал я.

– Ага, не слышал он выстрела, – капитан ухмыльнулся. – Вся рука в крови, а где подстрелили, не помнит.

Сержант закончил с наложением повязки и, подняв голову, обратился к напарнику:

– Кэп, я знаю этого гражданина. Это известный ученый, антрополог.

– Это еще ничего не значит, Колян. Все здесь как-то странно. Люди обычно стараются спрятаться, когда рядом начинается «разборка». Этот же, – капитан посмотрел в мою сторону, – напротив, зачем-то вписался в нее. Если не врет, конечно.

Со стороны Садового кольца, завывая сиреной, появился черный джип с синим маячком на крыше. За ним следовало еще несколько специальных машин и карета «скорой помощи». Из кафе, как мне показалось, вышли все посетители и обслуживающий персонал. Они расположились на почтительном расстоянии и с любопытством наблюдали за происходящим. Саныч что-то кричал, но слова его утонули в вое сирен.

Из остановившегося рядом джипа вышли несколько человек и направились в нашу сторону. Медики с каталкой наготове расположились у своей машины в ожидании команды для оказания помощи.

Оперативники подошли к капитану. Перекинувшись с ним парой слов, один махнул рукой врачам.

– Как вы себя чувствуете? – наклонясь ко мне, спросил один из них.

– Ничего, нормально, спасибо сержанту.

– Сейчас вас отвезут в больницу и окажут необходимую помощь. – Капитан, отдайте этому гражданину его вещи.

– Но...

– Ничего, под мою ответственность.

Капитан нехотя взял шкатулку, мой паспорт, ключи, бумажник и передал их мне.

– Одну секунду, – вдруг сказал оперативник, увидев, что я никак не могу засунуть все это в карман, – дайте я помогу. – Он протянул ко мне руку.

– Не стоит, спасибо, я сам, – вскрикнул я.

Опер, расценив мой крик как проявление боли, не обратил на него внимания и вцепился мертвой хваткой в шкатулку. Я разжал пальцы. Поднеся шкатулку поближе к глазам, опер заключил: «Интересная вещица, старинная. Подождите-ка». Оперативник направился в сторону джипа, взяв шкатулку с собой. Вскоре он вернулся.

– Что это, Эрл Андреевич? Откуда у вас эта вещь? – он потряс шкатулкой перед моими глазами.

– Вот и я говорю, – вставил капитан, – уж больно похожа она на...

– Эту вещь я за бесценок купил на одном из вещевых рынков в позапрошлом году, – с ходу придумав, произнес я, – приспособил ее под футляр для очков. Вещь действительно старинная, что меня тогда очень удивило, наверно XV–XVI век.

– Эта вещь, – опер бросил взгляд на шкатулку, а затем на меня, – господин Зимины, – вдруг перейдя с дружеского на официальный тон, – эта шкатулка проходит по картотеке похищенных вещей. Была украдена из петербургского Эрмитажа примерно два года назад. Шума было, а вы не в курсе, да?

Я пожал плечами.

Опер повертел шкатулку в руках и, найдя замочек, открыл ее. Затем перевернул вниз дном и потряхнул несколько раз. Камень глухо упал на асфальт и, на счастье, подкатился к моей руке, приткнувшись к пальцам. Опер продолжал трясти шкатулку, явно не заметив ничего. То же можно было сказать и о капитане. Он даже глазом не повел. Видя безрезультатность попыток что-либо вытрясти из шкатулки, опер закрыл ее и передал одному из своих помощников.

– Эту шкатулку, – заключил он, – мы конфискуем, до выяснения. А к вам, дорогой мой друг, вопросов будет значительно больше, если она вдруг окажется той, похищенной.

– Понимаю, – согласился я, незаметно накрыв ладонью лежавший около меня призрачный камень. – Забирайте ее, конечно.

– Вот и чудно. Капитан, пригласите понятых и найдите свидетелей. – Опер кивнул в сторону толпящихся за ленточной оградой людей.

Когда процедура составления протокола закончилась, опер дал разрешение врачам увезти меня в больницу.

– Петрович, – обратился он к одному из своих сотрудников, копошащихся, как муравьи, вокруг лимузина, – поедешь с ними. Заодно расспросишь уважаемого ученого.

– Слушаюсь, – козырнул тот.

Меня осторожно переложили на носилки и погрузили в машину «скорой помощи». В это время я незаметно положил камень в карман брюк. Никто не видел этого, да и, как я уже понял, не мог видеть. Машина «скорой помощи» медленно двинулась с места.

Я лежал на носилках с закрытыми глазами и пытался осмыслить все случившееся со мной. Это странное послание по электронной почте, сокровище старика, дневник отца... Моя спокойная, размеренная жизнь этим вечером закончилась, и, как мне теперь казалось, не случайно. Меня начало клонить в сон. То ли это от потери крови, то ли от лекарства, которое мне ввел врач. Незаметно для себя я отключился.

Глава 3. Человек из дождя

Это был не дождь, как обещали синоптики. Это был ливень. Вода, падающая с неба, как стена закрывала лобовое стекло самосвала, везущего песок с карьера на стройку. Дворники не справлялись, и водитель решил остановиться, переждать неистовство природы. Он нажал на педаль, и грузовик, тяжело затормозив, съехал на обочину. Заглушив двигатель, водитель услышал сильную барабанную дробь дождя по крыше. Но был и еще какой-то стук. Он прислушался. Через секунду он понял, что снаружи кто-то стучит в стекло противоположной двери костяшками пальцев. Перегнувшись через сиденье, он нажал ручку и толкнул дверь вперед. Тут же в кабине появилась голова с надетым поверх капюшоном.

– Залезай, чего стоишь, – крикнул водитель незадачливому незнакомцу, – весь салон мне водой зальешь.

– Угу, – отозвался человек в плаще и стал забираться на пассажирское кресло. Он был высок, можно сказать, был гигантом. Больше двух метров, это точно. Таких людей водитель не встречал. Наконец, забравшись на сиденье, человек в плаще сильно хлопнул за собой дверью.

Откинув капюшон, он выдохнул и посмотрел на водителя. Это был мужчина. Голова его полностью промокла, что и немудрено. От такого дождя капюшон не укрытие. Капли стекали с его волос по бледному лицу с тонким костлявым носом и падали с подбородка.

– Что, грибник, что ли? – спросил водитель.

Человека, сидящего рядом, била мелкая дрожь.

– Угу, – кивнул головой незнакомец и снова посмотрел на водителя.

Встретившись с ним взглядом, водителя передернуло. Глаза незнакомца были какими-то влажно-прозрачными с черными, как уголь, зрачками. Водитель отвел взгляд в сторону и машинально схватился за баранку руля. Улыбка спала с его лица.

– Странный ты какой-то, мужик. Ты что, немой?

– Угу, – опять ответил незнакомец.

– А, ну тогда понятно. – «Немые всегда наделены чем-то взамен отсутствия речи. Этот вот ростом», – подумал водитель. – И что тебя сюда занесло, в лес? Погоду надо слушать в «Новостях». Вон, видишь, как поливает. Какие тут грибы? Дома сидеть надо.

– Угу, – вытирая руками капли с лица, вновь выдал незадачливый немой грибник.

– Дай корзины у тебя нет. Что ж ты за грибник такой? – Водитель снова улыбнулся.

Тем временем дождь ослаб, и водитель включил зажигание. Самосвал заревел.

– Довежу тебя до окраины города, а там как знаешь. Все равно ведь объяснить не сможешь, куда тебе надо и кто ты такой.

Груженная песком машина тяжело тронулась с места. Дождь накрапывал. По дороге неслись потоки грязной, пенящейся воды. Люди, сидящие в кабине, молчали. Водитель думал о том, что навязался этот немой на его голову. Чтобы не было скучно, он включил радио. «Итак, сегодня 18 августа 2008 г. За окнами стеной льет ливень, а мы с вами будем слушать музыку. Надеюсь, дождь не омрачит вашего настроения, ведь мы будем слушать группу “Браво”», – вещал диджей, и салон наполнился ритмичной и задорной музыкой.

– Давай быстрее, Эрл, – окликнул мальчика, завозившегося со своим рюкзаком и удочкой на выходе из дома, его отец, – гроза собирается. Небо-то как затянуло.

– Сейчас пап, я быстро.

– Послушай, дорогой, – обратилась к мужчине, стоящему у машины, его жена, – может, стоит отложить поездку?

– Ничего, дорогая. – Мужчина ударил носком ботинка по колесу. – Наша старушка «Лада» и не в такие переделки попадала. Тем более я обещал сыну отличную рыбалку. Там,

за нашей дачей, есть маленький пруд, ну ты знаешь, сейчас там вот такие (мужчина развел руки в стороны) караси. А туча эта, – он посмотрел на небо, – наверняка пройдет стороной.

– Не знаю, не знаю, Андрей, как-то душа у меня не лежит, – тихо сказала женщина, укладывая сумки в багажник.

Сколько знал Андрей Зимнин свою жену Светлану, она еще со времени их знакомства все время в чем-то сомневалась. Особенно, когда ему надо было отправляться в очередную геологоразведочную экспедицию. Светка, не останавливаясь, давала различные советы и наставления, словно боясь пропустить что-то очень важное, из-за чего с Андреем, не услышь он этого, должно было обязательно что-нибудь случиться. Рюкзак его был всегда самым объемистым и самым тяжелым. Так много в него запихивала его жена. Это всегда было предметом дружеских насмешек со стороны его друзей-геологов. Но надо сказать, что чаще всего он был благодарен ей за такие сборы. Да и не только он. Когда у его товарища не оказывалось сменной пары носков, они были у Андрея. Кто-то забыл антимосkitный крем, пожалуйста, лишний был у Андрея. И так во многом.

Андрей относился к этим сомнениям жены снисходительно. Он всегда был уверен, что мужчина обязан найти выход из любой ситуации. Сомневаться – дело женское. Делать – дело мужское.

– Я готов, пап, – усаживаясь на заднее сиденье и с трудом затолкнув туда свой рюкзак, набитый всем необходимым с точки зрения десятилетнего мальчишки, крикнул мальчик.

– Ну что ж, – произнес отец, дожидаясь, пока жена усядется на переднее сиденье и захлопнет за собой дверь, – в путь, к ухе и огородным грядкам.

Старенькая «Лада» тронулась с места. Было раннее утро, когда семья Зимниных выехала на дачу, как большинство московских семей в свой летний августовский отпуск. Дорога изобиловала пробками, несмотря на столь ранний час. Около восьми утра «Лада» наконец вышла на трассу и стремительно помчалась вперед.

За окнами мелькали живописные пейзажи, заспанные сельские домики с окнами в изразцах. Все это было так давно знакомо и виделось много раз. На 59-м километре шоссе перегородил полицейский кордон. Впереди был ремонт дорожного покрытия. Дпээсник, махая жезлом, предлагал следовать в объезд. Это был очень большой крюк. Там, в той стороне, судя по небу, лил дождь. Через пять километров на лобовое стекло «Лады» упали первые капли. Дорога стала мокрой. Край тучи завис над крышами ползущих по узкой дороге машин.

– Ничего, ничего, – успокаивал Андрей жену. – Я знаю другую дорогу, через карьер. Туча уже ушла в сторону.

– Ох, Андрей, – выдохнула жена...

– Как-то душа у меня не лежит... – продолжил за нее муж и резко свернул на скрытую между деревьев узкую дорогу.

Здесь действительно недавно прошел ливень. По асфальту бежали потоки воды. Но впереди небо было светлым. «Теперь крюк будет не таким большим», – подумал Андрей. В этот момент из-за поворота показался груженный песком самосвал.

– Осторожно, – Светлана посмотрела на мужа. Лицо его было сосредоточенным.

– Ничего, разъедемся. Места хватит. – Андрей стал притормаживать. «Лада» послушно стала замедлять ход.

– Вот, черт, – воскликнул водитель самосвала, – эти дачники, как тараканы, лезут во все щели. Что он, – ища поддержки у сидящего рядом немого, возмущался водитель, – знака, что ли, не видел? Кирпич ведь там висит.

– Угу, – опять произнес немой и толкнул водителя в бок.

Две машины сближались. Места разъехаться действительно хватало.

– Ты чего? – Водитель посмотрел на него, вновь встретившись с ним взглядом. Горящие пламенем глаза словно прожгли его насквозь. Он отпустил руки от руля. В тот же момент на руль легли пальцы незнакомца. Последнее, что помнил водитель, это сильный удар, скрежет, после чего он отключился.

Андрей увидел, что самосвал резко качнуло влево, прямо перед его носом. Машинально он вывернул руль, но самосвал выполнил тот же маневр. Светлана вытянула вперед руки, словно пытаясь остановить надвигающуюся громаду металла и песка. Андрей резко крутанул вправо, их сын громко закричал на заднем сиденье, глаза его расширились от ужаса. Но все это было уже бесполезно. Самосвал смял передок «Лады», как консервную банку, и отбросил машину в кювет.

Придя в себя, водитель самосвала кое-как вылез из кабины. По лицу его текла кровь, рука не работала, его сотрясали приступы тошноты. Доковыляв до груды дымящегося, искореженного металла, перепачканного кровью, он увидел два обезображенных трупа и тело мальчика, которое практически не пострадало, не считая раны в области переносицы. Это было просто каким-то чудом. Но он не дышал. Лицо его было бледным, глаза закрытыми.

Голова водителя закружилась, и его вырвало. Прищурившись, он еще раз посмотрел на мальчика. Может быть, тогда ему показалось, но вспыхнул вдруг вокруг искореженной машины яркий белый свет и склонились над ней в этом свете призраки в белых одеждах. Они протянули руки к мальчику, и каждый по очереди возложил ладонь на его голову. Причем груды металла не были для них преградой. Затем моментально исчезли. Сразу после этого мальчик тяжело вдохнул воздух. Кожа его стала розоветь.

Головокружение стало невыносимым, и водитель упал на землю. «Где же немой?» – подумал он, теряя сознание.

В двадцати метрах, прячась за кустами орешника, стоял высокий человек в плаще. Он тоже видел призраков в белом и выставил ладонь перед глазами. Свет, исходивший от них, слепил его. Появление призраков не входило в его планы. Еще секунду, и он мог ослепнуть. Отвернувшись, он скрылся в чаще леса.

Глава 4. Призрачный камень

– Н-е-ет, – я подскочил на кушетке. Мой лоб был покрыт холодным потом.

– Успокойтесь, вы в больнице, – медсестра взяла мой пульс и улыбнулась. – Все хорошо.

Я непонимающе уставился на нее. Перед глазами у меня стоял образ высокого немого человека, убийцы моих родителей.

– Надо его найти, поймать, – крикнул я.

– Кого? – медсестра завертела головой. – Вы в приемном отделении. Сейчас вас осмотрит хирург.

Сознание начало возвращаться ко мне. Пока меня осматривал хирург, мысли в моей голове носились как частицы при броуновском движении. «Это только сон, но почему я его помню? Мой отец назвал меня Эрл, а так называла своего суженого странная девочка Лия. При чем здесь Эрл? При чем здесь Лия? Это какой-то бред. Ефимий говорил, что черный маг Фиор способен на убийство, чтобы завладеть камнем. Но у отца не было никакого камня. Стоп. Камень. – Я засунул руку в карман брюк, он был на месте. – А может быть, это и есть тот камень? Бред. – Я мотнул головой. – Подумаю обо всем этом позже».

– Что случилось? – спросил хирург.

– Ничего, простите.

Хирург пожал плечами и вколол мне какое-то лекарство в плечо. Как и предполагалось, ничего страшного в моей ране не оказалось. Пуля действительно прошла навылет, не задев кость, сосуды и крупные нервные стволы. Противостолбнячный анатоксин, асептическая повязка, обезболивание и доза антибиотика шестого поколения – вот и вся помощь, понадобившаяся мне. Через несколько минут я чувствовал себя вполне сносно и приготовился к занимательному разговору с представителем власти. Впрочем, разговора, в полном понимании этого слова, не было. Сотрудник полиции тактично расспросил меня, откуда у меня взялась шкатулка, получив на это тот же ответ, что и ранее. Задал еще пару-тройку вопросов о стрельбе на улице. На этом наше общение и закончилось. Он ушел из приемного отделения, унося с собой подписку о невыезде с моим автографом. Я знал, что сознательно обманываю, но ничего не мог с собой поделать. В конечном итоге все тайное становится явным, и моя ложь раскроется. Про камень все равно никто не узнает. Что до шкатулки, тут было труднее, ведь на ней остались отпечатки того деда, умершего в лимузине, а дактилоскопическую экспертизу проведут обязательно, насколько я знал по кинофильмам о полиции. Как я объясню, откуда на ней взялись пальчики убиенного злыми людьми богатея? Наверняка опросят других свидетелей, и найдутся те, кто покажет, что я встречался с ним в кафе. Подумав, я решил, что не буду отрицать этого. Скажу, что встречался с ним по его инициативе, он хотел купить у меня шкатулку. Отсюда и отпечатки его пальцев на ней. А почему я сразу не сказал, что встречался с ним за несколько минут до его смерти? Все очень просто. Меня никто не спрашивал об этом.

Наконец, около девяти утра я вышел из пропахнувшего лекарствами приемного отделения. Солнце уже жарило вовсю, несмотря на столь ранний час. События прошедшей ночи не давали мне покоя, я вновь и вновь прокручивал их в голове, которая дико болела, и к тому же мне хотелось спать. Я шел по Сретенке к своему дому, через каждые несколько шагов похлопывая себя по карману брюк, где лежал чудо-камень. На секунду я остановился у того места, где разыгралась ночная драма. По проезжей части неслись машины, наезжая колесами на черные пятна крови, пропитавшие асфальт. Мимо шли люди, не подозревая, что несколько часов назад здесь разыгралась трагедия. Трагедия, в результате которой я стал обладателем «сокровища» незнакомца и этой злосчастной шкатулки, из-за которой у меня

теперь наверняка будет много проблем. Вздыхнув, я пошел дальше. Зайдя домой, я открыл настежь окна и, не раздеваясь, рухнул на кровать. Сон никак не приходил, к чему я, впрочем, привык за многие годы. Пролежав минут двадцать с закрытыми глазами и поняв, что заснуть мне не удастся, я встал и направился в свою домашнюю лабораторию. Мне не терпелось провести тот минимум исследований, которые позволяла выполнить моя скромная аппаратура. Я вытащил камень из кармана и раскрыл ладонь. Что я ожидал увидеть?

Скорее всего, то, что он стал видимым, и то, что он окажется обычным алмазом. То, что увиденное мной вчера в кафе было просто галлюцинацией. Итак, я раскрыл ладонь и уставился на ее испещренную линиями и черточками поверхность. Камня на ней не было. О присутствии предмета на ладони говорила лишь слегка ощутимая тяжесть. Боже мой, подумал я в который раз, это просто невозможно. Я зажал камень в ладони, подошел к рабочему столу и осторожно положил его на предметное стекло микроскопа. Как я и ожидал, микроскопия не принесла никаких результатов. Я просто смотрел через увеличительные линзы в пустоту. Я задумался. Вчера в кафе мне удалось рассмотреть слабые очертания камня. Почему? Искусственное освещение? Был вечер, в кафе тускло горели люминесцентные лампы. Я встал, закрыл окна и зашторил их. Затем включил висевшую на стене бра. Ничего не изменилось. На столе стоял микроскоп, на предметном стекле которого было пусто. Я не на шутку испугался и кинулся к столу. Сердце колотилось как бешеное. Камень лежал на месте. Скорее всего, нужна полная темнота, а шторы хоть и были достаточно плотными, все же пропускали малое количество солнечного света. Я сел за стол, измерил точные размеры камня, на ощупь определил количество граней и зарисовал примерные очертания камня в блокнот. Действительно, как я увидел прошедшей ночью в кафе, камень представлял собой нечто с огранкой в форме октаэдра и чем-то напоминал шар, только ребристый с одним скосом. Больше никаких изысканий я решил не предпринимать. Для исследования этого чуда была нужна более серьезная аппаратура, имевшаяся в моей лаборатории Геологоразведочной академии. Я быстренько набросал план очередности опытов и откинулся на спинку стула. Есть ли необходимость прятать его, задумался я? Взяв камень с предметного стекла, я зажал его в кулак. Куда же его положить? Оглядев свою лабораторию, я не нашел подходящего места. Странно, вдруг поймав себя на мысли, подумал я. Что значит некуда положить? Ведь он невидим и не умеет передвигаться. Надо только запомнить место, где его оставил. Такое место нашлось. Я полностью освободил верхний ящик письменного стола, аккуратно положил туда камень и закрыл ящик на ключ. Теперь надо попробовать поспать. Я медленно побрел в комнату в сторону кровати, разделся и лег. Проворочавшись с полчаса, я понял, что не смогу заснуть, пока камень не будет со мной рядом. Наваждение какое-то. Я попытался пересилить себя, чтобы не вставать, но желание взять камень было выше моих сил. Меня тянуло, словно магнитом, к письменному столу. Наконец, желание пересилило волю. Я встал и оделся. Все это не нормально, думал я, идя в лабораторию. Открыв ящик и взяв камень в руки, я почувствовал невероятное облегчение и радость. Он у меня, мое сокровище. Как же хочется выспаться, да еще и голова ноет, словно с похмелья. Как бы хотелось быть бодрым и не чувствовать этой противной боли. Надо сварить кофе и выпить ультрапирин. Положив камень в карман, я направился на кухню. Взяв в руки турку, я вдруг понял, что уже не хочу спать, а головную боль как рукой сняло. Тело наполнилось энергией, а голова свежестью. Тогда я не обратил на это особого внимания.

Внезапно в комнате раздался телефонный звонок. Я снял трубку.

— Господин Зимнин?

— Да, слушаю вас.

— Вас беспокоит старший следователь прокуратуры Багров Олег Владимирович. По поводу той шкатулки, которая была изъята у вас при известных вам обстоятельствах.

— Да, да, — насторожился я, — слушаю вас.

– Прошу вас подъехать ко мне в 15 часов. Пропуск на ваше имя будет выписан и будет находиться на КПП.

Ну вот, началось. Я решил не задавать лишних вопросов. Меня приглашают, а не вызывают, тем более не забирают силой.

– Обязательно буду, – быстро ответил я и положил трубку.

Сейчас час дня. Я решил взять такси, доехать до прокуратуры и там, в оставшееся до приема время, перекусить в одном из расположенных поблизости кафе. Мне было о чем подумать за стаканчиком холодного кваса.

Через сорок минут я уже сидел за столиком уютного кафе и ковырялся вилкой в яичнице с беконом. О чем, интересно, будет разговор? В любом случае, до того момента, пока не выяснится, что на шкатулке имеются пальчики старого богача, погибшего столь страшной смертью от рук пока еще не пойманного убийцы, и пальчики Эрла Зимнина, буду придерживаться версии о покупке мной этой шкатулки на вещевом рынке в Тушине. А если такой момент наступит, придется рассказать и о встрече с дедом, по намеченному плану.

Я посмотрел на часы. До встречи с господином Багровым осталось пятнадцать минут. Расплатившись, я направился к входу в прокуратуру. На КПП меня, как и было обещано, ждал пропуск, и охранник объяснил мне, как быстрее найти кабинет старшего следователя. В приемной секретарь, посмотрев на мою визитку, объявил, что меня уже ждут. Я постучался в дверь и вошел в кабинет. Мужчина лет сорока пяти, полноватый, с большой залысиной на голове, одетый в гражданское, сидел за дальним концом офисного стола и пристально смотрел на меня. Я остановился в дверях.

– Проходите, проходите, Эрл Андреевич. – Следователь повел рукой, указывая на стул сбоку от себя. – Садитесь, закуривайте, вот пепельница.

– Спасибо...

– Олег Владимирович, – подсказал он мне.

– Спасибо, Олег Владимирович!

Я опустил на стул рядом со следователем. Он продолжал неотрывно смотреть мне в глаза, словно пытаясь найти в них ответы на вопросы, которые еще не задал. Затем улыбнулся, и я отметил, что улыбка этого человека довольно-таки приятна и располагает к себе. У меня мелькнула мысль, а не рассказать ли ему все начистоту, все, как было. И про незнакомца, и про наш странный разговор, и про камень, и про шкатулку, и про то, что было после того, как мы расстались. Я сдержался и кашлянул в кулак. Выдержав паузу, следователь отвел в сторону взгляд.

– Это не допрос, – сказал он, – хочу просто побеседовать с вами, как говорится, без протокола. Как вы понимаете, по тройному убийству господина Кутеева и двух его охранников возбуждено уголовное дело. Вы по нему проходите в качестве основного свидетеля. Кстати, по вашей «наводке» была найдена иномарка, которая оказалась краденой. Найдены и ее водитель с двумя пассажирами. Водитель действительно был крашеным блондином, так же, как и его друзья, которых вы не могли видеть за затемненными стеклами автомобиля. Говорю «был», так как этих трех подонков уже нет в живых. Все эти трое принадлежали к молодежной профашистской организации, запрещенной властями, – «Новый мир». Эдакие «робингуды», помеченные свастикой. Отними у богатого, отдай бедному. Это пункт их программы, именуемый «социальное равенство», который привлекает малоимущих в ряды этой организации. А по сути, они обычные бандиты – грабители. Убитый, которому вы пытались помочь, был не просто богат, а очень богат. Звали его Семен Ефимович Кутеев. «Новый мир» и раньше устраивал бандитские налеты, но, как правило, без смертельных исходов. Калечили, бывало. Жгли дома, отбирали деньги и ценности и, как правило, пользовались при этом палками, ножами, цепями и прочим холодным оружием, но чтобы убивать, да еще так? Тут явно прослеживается картина заказного убийства. Причем кому-то было надо подста-

вить этих молодчиков. Очень легко списать все на фанатиков. Так вот. Этих троих нашли убитыми в белом BMW на 26-м километре Ярославского шоссе. В машине найдено оружие, из которого были убиты Кутеев и его охрана. Экспертиза это подтвердила. Весь вопрос в том, какой мотив?

– Да, – выдохнул я, подумав про себя, что слишком много смертей связано с появлением камушка, что лежит в моем кармане, – это кошмар!

– Кошмаром было бы то, если бы Кутеев не промахнулся, стреляя в вас, – вдруг скороговоркой произнес следователь и опять уставился на меня своими глазами-буравчиками.

Откуда он знает?

– Откуда вы знаете? – изображая недоумение на лице, спросил я. – Откуда вы знаете, что в меня стрелял Кутеев?

– Элементарно. Вы говорили, что пребывали в состоянии шока и не помните, когда вас зацепило. Между тем вы выбежали из кафе, когда стрельба закончилась, опять же с ваших слов. Очевидцы утверждают, что вы сели в лимузин и в это время прозвучал одиночный выстрел. На полу машины найдены пистолет с отпечатками пальцев Кутеева и стреляная гильза. Из записи хирурга приемного отделения Склифа, который подробно описал вашу огнестрельную рану, был сделан вывод, что в вас стреляли снизу и с близкого расстояния. Как видите, это самый простой, сам собой напрашивающийся вывод. Конечно, мы еще должны провести баллистическую экспертизу...

– Не надо, – вздохнул я, – в меня действительно стрелял Кутеев.

– Хорошо, – удовлетворенно произнес Багров и откинулся на спинку стула, – зачем ему понадобилось стрелять в вас, Эрл Андреевич? И зачем вы вообще полезли в машину?

– Он стонал, – коротко бросил я, – я подумал...

– Подумали, – перебил меня Багров, – забрать у него шкатулку, которую он показывал вам в кафе. На ней его пальчики, и свидетели утверждают, что он показывал ее вам. Вы сидели за отдельным столиком вместе с Кутеевым, а такая колоритная личность, как он, не могла не привлечь внимания. – Багров резко выпрямился, и, подавшись всем телом вперед, навалился локтями на стол так, что его лицо оказалось прямо напротив моего. – Это так? – прикрикнул он.

Я подумал было, что пора вставить фразу про адвоката, без которого я не буду отвечать на вопросы, но тут же решил, что это лишнее, и промолчал. Только одна мысль пульсировала в моей голове: он знает, он знает, что Кутеев показывал мне шкатулку. Как тогда я мог ее купить полтора года назад? Ты доврлся, Эрл.

– Молчите? – настаивал Багров.

– Да, люди могли видеть, что он показывал мне шкатулку, – моя голова упала на грудь. – Но в машине я взял ее машинально. Она валялась на полу...

– Зачем он показывал вам шкатулку?

– Ему было нужно мое личное мнение об этой вещи, – голос мой дрожал, по спине скатилась капелька пота.

– Кутеев стрелял в вас, потому что вы хотели забрать ее у него, когда он был еще жив, – уже спокойно и сев на место утвердительно произнес Багров. – Вы известный ученый, занимаетесь геологией и антропологией с этнографией в том числе. Вы прекрасно понимали, что за вещь показывал вам Кутеев. Вы понимаете, что я вынужден задержать вас.

– Почему? – встрепенулся я.

– По подозрению в заказном убийстве, Эрл Андреевич. Сдается мне, что вы, заранее договорившись о встрече, все спланировали, наняли этих молодчиков, чтобы было на кого списать убийство, понимаете? А вы говорите, очечник.

– Да я этого Кутеева впервые увидел в тот вечер, – возмутился я.

– Вот мы это и проверим, – Багров нажал кнопку под столом и в кабинет зашел человек в форме. – Пока посидите в камере, подумайте. О вашей встрече расскажете мне завтра.

– Подождите, – воскликнул я.

Багров махнул рукой, и человек в форме вышел.

– Вы еще что-то хотите сказать? – Багров смотрел на меня широко раскрытыми глазами.

– Да, – в моей голове мысли неслись с неопишуемой скоростью, и среди них была одна, как мне казалось, спасительная. За нее я и ухватился.

– Я слушаю вас.

– Можно я закурю? – спросил я.

Багров подвинул пепельницу и сигареты ближе ко мне. Я, щелкнув зажигалкой, закурил. В воздухе повисла тишина и клубы табачного дыма. Такого я не ожидал. Хотя, если шкатулка была украдена из запасников не помню какого музея, очевидно было предположить, что следствие будет раскручиваться на полную катушку.

– Все просто, – как можно спокойнее начал я свой надуманный рассказ, – я встречался с этим человеком в кафе тогда вечером. У нас была деловая сделка. За несколько дней до встречи с ним я отдал шкатулку его представителям, как они сказали, для экспертизы. Видно, этого было мало, и он приехал лично узнать мое мнение об этой вещи, привезя ее с собой. Откуда этому Кутееву стало известно, что у меня есть эта вещь? Непонятно, – я для убедительности пожал плечами.

– Просто так отдали? – Багров повел бровью.

– А вы бы этого не сделали? Вы видели его охрану. И потом, я не находил ничего особенного в этой шкатулке. Они приезжали ко мне домой. – «Это-то никак не проверишь», – подумал я. – Забрали шкатулку. Мы договорились о встрече, на которую я, честно говоря, не надеялся. Но он пришел, принес шкатулку в кафе сам. Естественно, при встрече он держал ее в руках. Я не понимал, честно говоря, что такого ценного в ней? Да, старинная вещь, но не более. Ничего определенного по поводу шкатулки я сказать ему не мог. Он долго думал и наконец оставил мне банковскую карту с кодом, после чего забрал шкатулку и ушел. Дальше вы знаете. – Я покопался в кармане пиджака и выложил на стол пластиковую карточку. Как ее только не нашли при обыске у кафе?

– А вы авантюрист, Эрл Андреевич. – Багров взял карточку за уголок и помахал ей перед лицом. – Я вынужден изъять эту вещь.

– Пожалуйста, – равнодушно ответил я.

Багров вытащил папку из ящика стола и вложил в нее карточку.

– Это, конечно, многое объясняет. – Багров убрал папку в стол, – но практически ничего не меняет.

– Как? – я даже привстал со стула.

– Вы сказали, что он оставил вам эту карточку, затем взял шкатулку и вышел из кафе.

– Совершенно верно.

– Значит, вы выбежали из кафе, чтобы помочь?

– Да, я уже говорил это.

– И забрали шкатулку обратно себе?

– Когда я добежал до машины, старик уже хрипел. Но у меня и в мыслях не было забирать шкатулку, но он, видимо, как вы правильно сказали, подумал обратное, поэтому и выстрелил. А когда он скончался, я подумал, а зачем шкатулка мертвому человеку? Может быть, это некрасиво, но я забрал ее. Сами понимаете, мне не хотелось рассказывать о моем не вполне пристойном поступке.

– Таким образом, и шкатулка и банковская карта оказались в ваших руках? – словно не слыша меня, спросил следователь.

– Совершенно верно, – согласился я и замер от испуга, поняв, куда клонит Багров.

– Интересная история, Эрл Андреевич, – заметив мой испуг, вдруг почти дружелюбно, как мне показалось, сказал Багров. – Я не буду задерживать вас. Мне хотелось бы, чтобы все так и было, как только что вы рассказали, – Багров улыбнулся.

Меня удивляла способность этого человека менять интонацию речи и манеру поведения в разговоре.

После короткой паузы Багров продолжил:

– Мы уже опросили посетителей кафе. Все было точно так, как вы говорите. Правда, в очках вас мало кто видел, хотя никто не утверждал, что вы их совсем не надеваете. Очевидцы подтверждают, что Кутеев показывал вам шкатулку и унес ее с собой, а вам передал какую-то карточку. Теперь понятно, что это карта. Можете идти, но помните, вы дали подписку о невыезде.

– Могу идти? – глупо переспросил я.

– Да, Эрл Андреевич. Мне не в чем обвинять вас. Вы ни в кого не стреляли, а все остальное еще надо доказать. Так что идите и постарайтесь впредь не совершать опрометчивых поступков. И еще, – Багров выдержал паузу, – согласитесь, то, что вы взяли шкатулку, продав ее ранее, можно назвать кражей. Не так ли?

– Похоже на это, – я опустил голову. – И что мне делать?

– Я же сказал, можете идти. Заявления о краже от пострадавшего не поступало. Нет заявления, нет дела.

– До свидания, – поднимаясь со стула, произнес я. – Мне стыдно, что все так вышло, но позвольте вопрос напоследок. Что все-таки это за шкатулка?

Багров окинул меня взглядом сверху вниз и улыбнулся, покачав головой.

– А вы не по ситуации любопытный. Хорошо. Это бесценная вещь, – сказал Багров и запнулся, оглядевшись по сторонам. – Ладно, вам скажу, это произведение искусства индийских мастеров VI века от Рождества Христова. Была вывезена английскими колонистами в конце XVII века из Индии. Принадлежала одной из знатнейших семей Великобритании. Пропала после пожара в имении сэра – лорда Четвейя близ Лондона вместе с другими, менее ценными реликвиями. Сэр Четвей был антикваром и коллекционером. В его коллекции было много раритетов. Дальше след ее появляется во Франции, но известный французский антиквар Лурье описал ее такой, какой уже мы с вами видели ее. Когда-то она была сплошь усыяна жемчужным бисером и драгоценными камнями. В руках же Лурье была шкатулка из красного дерева и слоновой кости с зияющими пустотой ложами для драгоценных камней, и не более. Лурье продал ее на антикварном аукционе. И что интересно. Покупателем ее стал некто Кутеев Гаврил – фабрикант из России. Да, да, прадед господина Кутеева Семена, ныне покойного. Шкатулка эта была национализирована вместе со всем имуществом семьи Кутеевых в 1918 году. Семья эмигрировала во Францию. А шкатулка надолго попала в запасники Эрмитажа, ожидая своей очереди для реставрации. Полтора года назад она и еще несколько десятков произведений искусства Древней Индии были украдены, но это вы уже знаете. Вот такая история.

– А что за драгоценные камни украшали эту шкатулку? – спросил я из чистого любопытства, не надеясь получить ответ.

– Одну минуту, – Багров, к моему удивлению, вытащил из стола толстую папку, наполненную рабочими бумагами. Покопался в них несколько секунд. – А, вот. По периметру шкатулку украшали четыре равных по величине камня: яшма, сапфир, халцедон, смарагд. Крышку ее венчали восемь камней меньшей величины, уложенные кругом: сардоникс, сердолик, хризолит, берилл, топаз, хризопраз, гиацинт, аметист. Следовательно закрыл папку и убрал в стол. Вам это что-то говорит?

– Нет, но очень интересно. Кто бы мог подумать. Эта неказистая шкатулка, и такая история. Поразительно. Спасибо вам и всего хорошего.

– До свидания. – Дождавшись, когда закроется дверь, Багров вытащил из стола диктофон и нажал на кнопку «стоп». – Что-то темнит этот Зимнин, – подумал он.

Бредя по коридорам прокуратуры в сторону выхода, я думал о том, как изменилась моя жизнь за последние сутки. В голове у меня все перемешалось. Наконец, выйдя из здания, я перевел дух. Мне вдруг стало противно за себя. Я всегда считал себя честным человеком, но что со мной случилось? О каком проклятии говорил старик Кутеев, умирая? Неужели дело в камне?

Камень. Я засунул руку в карман пиджака. Он был на месте. Дальше в лабораторию. Около шести часов вечера я приступил к первым опытам. Сначала надо было выяснить физические свойства камня, его структуру и уровень радиоактивности. Провести адсорбционный и эмиссионный спектральный анализ. Исходя из этого минимума и полученных результатов, наметить дальнейший план исследований. Этим я и занялся. Абсорбционная спектроскопия дала ожидаемые результаты. Камень действительно пропускал сквозь себя все цвета спектра видимого света. Вот тебе, Эрл, и причина его таинственной невидимости. Но он невидим при свете, а в кафе был полумрак. Там я четко рассмотрел контуры камня. Значит, логично было бы посмотреть, как камень себя ведет в темноте, вернее, в отсутствии солнечного света. Не буду углубляться в суть эксперимента, но результат его меня просто поразил. В полной темноте камень светился бледно-лунным светом. Про себя я назвал этот феномен «эффектом игуаны». Эта рептилия с Коморских островов обладает уникальным механизмом терморегуляции. Она выползает по утрам из своего убежища и располагается неподвижно на камнях, подставляя свою спину солнечным лучам. Таким образом, она аккумулирует солнечную энергию, как батарейка, заряжаясь на предстоящий день и последующую ночь. Эмиссионная спектроскопия подтвердила то, что камень излучает в темноте обычный свет со всем присутствующим ему спектром. Ни у одного минерала в природе нет таких качеств. Значит, подвел я итог, камень невидим при обычном солнечном свете, едва различим ночью в свете осветительных приборов, и в полной темноте начинает светиться белым светом. Но зачем камню светиться? Откуда он? И почему камень? Надо определить структуру, кристаллическую решетку. Этим я и решил заняться, но от столь увлекательной работы меня отвлек телефонный звонок. Иногда мобильные телефоны просто раздражают.

– Доброй ночи, господин Зимнин, простите, если оторвал от важных дел, – раздался голос Багрова.

«От важных», – подумал я про себя. Знали бы вы, что я тут накопал, подобрали бы слово позначительнее. Тем не менее следователь продолжил:

– Ночь для вас действительно добрая.

Я посмотрел на часы. Половина первого. Заработался ты, Эрл.

– Доброй ночи, – сказал я, – чем же она ко мне так добра?

– Хорошими для вас новостями.

– Вы меня заинтриговали.

– Несколько часов назад в загородном доме господина Кутеева закончился обыск. Так вот. Были найдены все ценности, украденные из Эрмитажа. Ваша шкатулка – единственная вещь, какой не хватало в его коллекции. К сожалению, выяснить, почему она там отсутствовала, не представляется возможным. Кутеев был одинок. Вел затворнический образ жизни. Как и каким образом шкатулка оказалась в руках человека, продавшего ее вам, выяснить практически невозможно. Если по горячим следам поиски не принесли никаких результатов, то через столько времени... Фоторобот этого человека с рынка, составленный с ваших слов, как вы понимаете, в поисках не поможет. Полтора года прошло. Да и незачем уже. Ценности найдены, подозрения с вас сняты. Вы понимаете, что ваша встреча с ним была не случайной?

Ему была нужна эта шкатулка. Я подумал, что вам приятно будет услышать такую новость. Вы ведь все равно не спите, так?

– А как же насчет убийства? – поинтересовался я.

– Подозрения насчет вас к делу не пришьешь. Да и не зачем. Главаря нацистской организации «Новый мир» задержали, он дает показания. Сдал заказчика. Что интересно, ему тоже была нужна эта шкатулка. Мы ищем его. Вам повезло, Эрл Андреевич. Если бы вы не продали шкатулку, сейчас бы находились в морге на месте Кутеева, понимаете? То, что она вновь попала к вам, чистая случайность. Я думаю, бандитов спугнули сирены полицейских машин. Такие дела, Эрл Андреевич. Ну что ж, спокойной ночи. – Багров отключился.

В лаборатории повисла тишина. Честно говоря, я не ожидал такого поворота событий. На душе все же скребли кошки. Я чувствовал свою вину перед следователем, перед собой, перед Богом. Пусть все обернулось так удачно, но, сколько я себя помню, невинно лгал я только в детстве. Почему же сейчас? Я покосился в сторону камня, оставленного мной лежать на чашке Петри. Чертов камень, промелькнуло у меня в голове. Я медленно подошел к столу, и, накрыв ладонью чашку, зажал невидимку в кулак. Чертов камень, снова подумал я и положил камень на прежнее место. А этот Кутеев не так прост, впрочем, это я понял еще при встрече с ним. Хранил камень в шкатулке, которой нет цены. Для такого камушка, как он его назвал? Божественный. Самая подходящая тара. Вдруг меня словно током ударило изнутри. Я ринулся вверх по винтовой лестнице на второй этаж лаборатории. Здесь была научная библиотека. Где же, где? Я перебирал пальцами по книгам, вытаскивая некоторые из них и раздраженно ставя их на место. Неужели нет? Через пятнадцать минут поисков я уже отчаялся и решил было прекратить их, как мой взгляд упал на книгу, которую я искал. Библия. Вытащив ее с полки, я сдул с нее пыль и открыл одну из последних страниц: Откровение. Глава 21. 19 Основания стены города украшены всякими драгоценными камнями: основание первое – яспис, второе – сапфир, третье – халкидон, четвертое – смарагд, 20 Пятое – сардоникс, шестое – сардолик, седьмое – хризолиф, восьмое – вирилл, девятое – топаз, десятое – хрисопрас, одиннадцатое – гиацинт, двенадцатое – аметист. 21 А двенадцать ворот – двенадцать жемчужин: каждые ворота были из одной жемчужины. Улица города – чистое золото, как прозрачное стекло.

Я закрыл книгу и поставил ее на место. Двенадцать камней, украшавших врата града Божьего, двенадцать камней, ранее украшавших шкатулку, – одни и те же. Совпадение? Понятно теперь, зачем Кутеев хранил камень в этой шкатулке. Божественный. А ведь недавно я назвал его чертовым. Тот, кто убил Кутеева, искал не шкатулку, вдруг подумал я, он искал именно камень. А если это так, то понятно, кто он. Это тот человек, чьим существом завладел черный Фиор, если верить написанному в блокноте отца. А раз камень у меня, то надо ждать неприятностей. Надо быть осторожней и внимательней, Эрл. Теперь я уже почти не сомневался, что написанные моим отцом рассказы в блокноте не были вымыслом.

Время клонилось к утру. Идти домой смысла не было, поэтому я решил расположиться на издавшем виды диванчике, стоящем в лаборантской. Спустившись вниз, я взял камень и завернул его в чистое полотенце. Пройдя в лаборантскую, я снял халат, вытащил из шкафа старую подушку с торчащими из наволочки перьями, похлопал ее по бокам и бросил на диван. Аккуратно положив камень, завернутый в полотенце, под подушку и оставив гореть только настольную лампу, лег. Прямо как принцесса на горошине, улыбнулся я и мгновенно уснул. Камень, лежавший под подушкой, светился бледно-лунным светом.

Глава 5. Том Смит

Он был, бесспорно, талантлив, если не гениален. Его научные работы производили фурор в астрофизике, несмотря на молодой возраст. В 18 лет он получил диплом Калифорнийского университета с отличием. В 25 он стал его профессором и, защитив диссертацию, получил ученую степень магистра. В 27 он стал директором Научного института астрофизики, им же и созданного. Под его научные изыскания выделялись огромные деньги из бюджета страны. Под его руководством работало огромное количество людей. Он подавал надежды. Звали его Том Смит.

Казалось, что в жизни он достиг всего, о чем только может мечтать молодой ученый. Но было одно «но». Он был одинок. У него не было ни друзей, ни жены, ни собаки. У него не было никого, кроме себя. Его родители умерли. Мать сразу после родов. Отец через два года после этого от рака. Воспитывался он в приюте, где окружающая обстановка научила его быть жестоким и напористым, изворотливым и находчивым, всегда говорить полуправду или что-то недоговаривать. Помимо этого он был одаренным ребенком и намного опережал сверстников в развитии. Его одноклассники побаивались его, так как подавить его интеллектуально было просто невозможно, а физически просто не получалось. Мальчик был отлично развит и мог дать отпор любому желающему посягнуть на его честь и достоинство.

Сейчас он сидел в своем особняке, в одной из его комнат, где он часто уединялся наедине со своими мыслями. Ему было о чем подумать. На столике перед ним стояла бутылка дорогого коньяка, виноград в вазе, коробка конфет и нарезанный ломтиками лимон на тарелочке. Сегодня, 29 октября 2008 года, был день его рождения. Четверть с небольшим века. Целых двадцать восемь лет он прожил. Многого достиг. Много успел, но чувствовал, что впереди его ожидает нечто. За прожитые годы он привык к одиночеству. Оно его не угнетало. Но именно в дни своего рождения ему всегда становилось грустно и хотелось, чтобы кто-то был рядом. Кто-то, с кем можно было поговорить по душам. Время клонилось к ночи, а он все сидел, уставившись на так и не открытую бутылку. Вдруг в дверь тихо постучали.

– Что там, Пьер?

– Хозяин, – дверь тихо приоткрылась и в проеме появилась фигура швейцара. – К вам пришел какой-то человек. Говорит, что у него неотложное дело.

Глаза Тома оживились. Он встал и подошел вплотную к швейцару. Тот опустил глаза, уставившись Тому на тапочки.

– Какой-то человек, говоришь? Так что же ты его не пропускаешь, – закричал Том, – я сижу здесь как одинокий кактус в прерии, а ты приходишь ко мне с докладом. Быстропусти его. Быстро.

Швейцар словно растворился. Том взял еще один бокал, снова уселся в кресло и открыл бутылку. Он решил не переодеваться. В это время дверь открылась, и на пороге появился очень высокий человек в дорогом, черном костюме, лет сорока на вид. Рубашка его была серого цвета и почти сливалась с костюмом. Длинные, прямые, черные, как смоль, волосы спадали ему на плечи. Издали он казался просто большим черным пятном. Лишь две детали выделялись на фоне этой черноты. Это бледно-бордовый, цвета крови галстук и белые глаза, в которых, создавалось впечатление, не было радужек. Человек, не представившись и не поздоровавшись, прошел по комнате и сел в кресло напротив Тома. Тот удивился такой бесцеремонности, но не подал вида. «Если этот человек ведет себя так, значит, имеет на то основание», – подумал Том. Посмотрим, с чем он пришел.

– Коньяк? – предложил молодой ученый.

Черный человек покачал головой и отодвинул пустой бокал от себя подальше. Затем откинулся на спинку кресла и уставился на Тома своими пустыми глазами, в которых все-

таки различалась радужка, вернее, ее светло-серые контуры. Зрачки выделялись на фоне этих глаз словно две капли чернил на белом листе бумаги. А внутри этой черноты было что-то пугающее и настораживающее. Том попытался не отводить взгляда. Он не привык проигрывать, но взгляд этих глаз был просто невыносим. Он словно выжигал душу. Наконец, Том, не выдержав, опустил глаза.

– Как хотите, я все же выпью, – Том плеснул себе ароматной вязкой жидкости в бокал и выпил одним махом. – Чем могу служить?

– Хорошее начало, – тихим баритоном произнес человек в черном, – служить! Вот именно, служить! – воскликнул он. – Ты должен будешь мне служить. Мне и тем силам, которые я представляю.

– Я никому не обязан служить в том смысле, что имеете в виду вы, – спокойно сказал Том, хоть внутри его все закипело, – кроме разве что науки. Он посмотрел на лежавший на краю стола колокольчик для вызова швейцара.

Человек в черном ухмыльнулся.

– Нехорошо, – тихо произнес он. – Не успел я прийти, а ты уже думаешь выгнать меня.

Колокольчик сдвинулся со своего места и поехал по полированному столу в его направлении. Он остановил его пальцем, на котором был надет серебряный перстень с бордовым плоским камнем. Присмотревшись, Том различил на его полированной поверхности выгравированную гиену. Взяв колокольчик двумя пальцами, человек в черном позвонил в него. Но никто не появился.

– Никто не придет, Том. Не надейся. Довольствуйся моим обществом.

– Как вы это сделали? – Том не смог скрыть своего удивления. – Вы прочитали мои мысли? – Он даже не подумал, почему швейцар не появился на зов. Настолько Том был поражен и заинтригован.

– Я многое могу, Том. Многое, на что не способны люди. И я могу сделать так, что ты тоже сможешь обладать силой, какой обладаю я.

– Двигать предметы и читать мысли. – Том уже успокоился. – Современные экстрасенсы способны и не на такое. Вы экстрасенс? Но мне это интересно лишь постольку, поскольку. Я работаю в другой области.

– Я пришел сюда не для того, чтобы делать чудеса. Я пришел сделать обмен, – скривив губы, произнес человек в черном.

– И что же вы хотите выменять у меня?

– Об этом позже. Сейчас, – он достал из внутреннего кармана пиджака два чипа-носителя, – я хочу, чтобы ты ознакомился вот с этим. – Он положил их на край стола и толкнул в сторону Тома.

– Что это?

– Чипы, ты разве не видишь?

– И что на них?

– Ты, Том, задавай меньше вопросов. Я вижу в твоих глазах азарт и любопытство. Промотри же их. Ведь тебе не терпится сделать это.

Том встал, прошел в другой конец комнаты и взял со стола ноутбук. Вернувшись на свое место, взял первый чип, вставил его в порт и скомандовал открыть первый файл. Глаза его стали расширяться. Он просматривал файл за файлом. Ему было достаточно взглянуть один раз на вереницу формул, чертежей и графиков, мелькающих перед ним, чтобы понять, что ему дал человек в черном. Прошло около двух часов.

– Это же... нет, это невозможно. – Глаза Тома горели, волосы его были взъерошены. – Модификация ракетного двигателя ЯЭРД, в сотни раз превосходящая по мощности прототип, созданный в ОКБ Королева. Никто в мире не может додуматься до такого. И как все просто. Откуда это у вас?

– Это неважно, Том. Просмотри второй чип.

Том поспешил выполнить пожелание сидевшего напротив него человека. Здесь все было еще невероятней. Антигравитаторы, модель космического корабля, по всему было видно, предназначенного для межпланетных перелетов, и многое другое, что могло поразить воображение даже ученого человека. Том особо не вдавался в суть увиденного им. На уровне подсознания он понял, что на этих двух чипах хранится информация о научных разработках, способных совершить революцию в астронавтике. Но здесь явно не хватало некоторых деталей.

Время клонилось к утру, когда Том протянул человеку в черном две прямоугольные позолоченные пластинки.

– Как ты понимаешь, Том, на этих носителях нет ключевой информации. Нет связующих компонентов. Поэтому я оставляю их тебе. Через два дня я снова приду в это же время, как пришел в этот раз. Ты должен дать мне ответ, нужен ли тебе ключ к научному открытию? – Человек в черном сделал непродолжительную паузу. – А теперь я, пожалуй, выпью. – Он налил себе полбокала коньяка и одним глотком осушил его. – С днем рождения, Том.

Медленно поднявшись, человек в черном вышел из комнаты, не попрощавшись. За дверью на диване, тихо посапывая, спал швейцар. Уходящий гость дотронулся ладонью до его лба, и тот открыл глаза, непонимающе вращая ими по сторонам.

Человек в черном появился в назначенное время через два дня. Пьер без лишних вопросов пропустил его к хозяину, боязливо смотря в спину прошедшему мимо гиганту. Том практически ничего не ел и не пил эти два дня. Не говоря уже о сне. Волосы его слиплись, черные мешки под глазами, но он не чувствовал усталости. Том знал, что он скажет человеку, который вот-вот должен зайти в кабинет. Он ждал его. Едва тот появился на пороге рабочего кабинета, Том встал и устало улыбнулся.

– Я согласен, – выпалил он. – Я согласен на обмен.

– Но ведь ты не знаешь, что мне надо от тебя.

– Это неважно. Я согласен заранее.

– Хорошо, – произнес человек в черном, раскрывая на ходу кейс и доставая оттуда какие-то бумаги. – Здесь условия договора.

– Давайте я подпишу их.

Человек в черном положил две бумаги на стол.

Том быстро пробежал их глазами.

«Настоящий договор заключен между Томом Смитом и вторым лицом, которое желает не называться, в том, что второе лицо предоставляет в распоряжение Тома Смита чипы-носители с научными разработками в области астрофизики и космоплавания в обмен на то, что потребует второе лицо. Договор в двух экземплярах заключается без посредников и скрепляется подписями двух сторон. Расторжению не подлежит».

Том посмотрел на человека в черном. Тот секунду стоял с непроницаемым лицом. Затем положил кейс на стол, открыл его и повернул к Тому. Там лежало еще несколько недостающих до полного комплекта чипов.

– Но как я могу быть уверен в том, что на этих носителях то, о чем вы говорите?

– Все очень просто, Том. Прежде чем подписать эти бумаги, ты просмотришь их.

Том схватил кейс и ринулся к ноутбуку. Человек в черном сел на стул, положил руки на колени и закрыл глаза. Прошло около трех часов.

– Все верно, – радостно крикнул Том, – это то, что вы обещали. Теперь все сходится одно к одному.

Он встал и решительно направился к столу. Взяв ручку, Том поставил свою подпись на двух бумагах контракта.

– Отлично, – поднявшись со стула и подойдя к столу, произнес человек в черном. Он тоже взял ручку и подписался. Подпись его чем-то напоминала старинный санскрит.

Один из листков он положил в принесенный обратно Томом кейс и защелкнул кодовый замок. Второй оставил на столе.

– Теперь слушаю вас, – возбужденно и часто дыша, произнес Том. Ему уже было неважно, что попросит стоявший напротив него высокий человек. Том был богат и мог выполнить практически любую прихоть. Кроме всего, у него были связи в правительстве и Пентагоне. Сейчас Том думал о предстоящей работе.

– Что ж, слушай, – человек в черном смерил его своим адским взглядом... – Ты подписал бумаги, Том. Теперь обратной дороги нет, – твердо произнес человек в черном.

– Не тяните. Что вам нужно? – Том следил за рукой «высокого» человека. Тот почесал подбородок, затем поправил перстень на пальце.

– Самую малость, Том. Мне нужно твое тело.

Том в недоумении уставился на черного человека.

– Что значит мое тело? Вы гомосексуалист?

– Нет, Том, ты не понял. Мне нужно твое тело как носитель моей жизни.

– Вы можете сказать конкретно, – Том уселся в кресло и забросил ногу на ногу, – я не люблю неопределенности.

Черный человек стал расхаживать по комнате.

– Хорошо, Том. Люди рождаются и умирают. Но жизнь их, или душа, как вы это называете, остается. Она не меняется до того момента, пока снова не вселится в другое тело. Она ждет в Высших Сферах. Ждет того момента, когда ей поступит разрешение вновь спуститься на Землю, чтобы следовать своей судьбе и совершенствоваться или, наоборот, регрессировать в другой оболочке. Обычно душа вселяется в оплодотворенную яйцеклетку, заранее выбрав себе родителей. Иногда она ошибается, но ничего просто так не бывает. Это закон Вселенной. Но если есть закон, то всегда находятся те, кто может его преступить. Знаешь ли ты, что такое кома?

– Ну, так, в общих чертах.

– Так вот. Во время этого состояния душа человека балансирует между физическим телом и Тонкими мирами. Токи психической энергии останавливаются. Если тело умирает, душа уходит до времени на положенное ей место. Если тело не умирает, душа возвращается в него, рано или поздно. Пока душа находится вне тела, это и есть кома, в нем остается дух. Тот самый, что покровительствует человеку. У всего на этом свете есть свой дух. Если дух видит, что тело никуда не годно, он тоже покидает его. Он же, в отсутствие жизни, может создать видимость ее. Это вы называете зомбированием. Но когда и душа, и дух ушли из тела, тогда наступает истинная смерть.

– Очень интересно, но это все я уже где-то слышал. Индуизм. В основах этой религии есть что-то, напоминающее сказанное вами.

– Люди могут об этом только догадываться, Том. Но лишь немногие из людей могут оперировать своей и чужой душой так, как они этого хотят. На это способны только черные маги.

– И вы, как я понимаю, являетесь одним из них?

– Нет, Том, но определенное отношение к ним я имею.

– Так вы хотите, – стал догадываться Том, – лишить меня души и духа?

– Почти так, Том, но не до конца. Я не собираюсь лишать тебя души навсегда. Вселить душу в мертвое тело не в моих силах. Я многое могу, но это, – он поднял вверх палец с перстнем, – это может сделать только Божественная сущность. Мне нужно, чтобы душа твоя

лишь на время ушла из тела. Дух твой будет пребывать в нем. Именно в это время я смогу вместить в твое тело свою душу.

– Но это же все равно фактически убийство. Куда же тогда денется моя душа?

– Ты так держишься за нее? – Человек в черном рассмеялся. – Не бойся, – начал он говорить сквозь смех. – Я спрячу свою душу в твоём теле так, что и для твоей там хватит места. Вернувшись обратно и возродив твоё сознание, она даже не заметит, что у неё появилась соседка. – Он прекратил смеяться и зло посмотрел на Тома. – У тебя всё равно нет выбора. Ты подписал контракт.

– Но зачем вам всё это? – Том уже начал жалеть, что ввязался в эту мистическую авантюру.

– Видишь ли, Том, моё тело мешает мне. Оно слишком приметное. Рост и глаза привлекают внимание окружающих. Я из другого мира, Том. Мне не хочется светиться.

– Из другого мира?

– Хватит объяснений, Том. Пора переходить к делу. Завтра полнолуние. В 23.00 я буду у тебя со всем необходимым. И не пытайся скрыться. Это всё равно не получится.

Человек в черном развернулся на каблуках и быстро вышел из кабинета, захватив по пути кейс с одним экземпляром контракта.

23 часа 00 минут. Следующий вечер.

Том боялся и одновременно его терзали сомнения. Зачем было человеку в черном показывать чипы? Чтобы потом убить его? Если всё то, что он говорил, правда, то поводов для волнения не было. Но если что-то пойдет не так, если его обманывают и не вернут ему его душу? Что тогда? Том целые сутки думал над этим. Действительно. А так ли важна для него его собственная жизнь? Он думал о том, что, отобрав у него душу, человек в черном в облики Тома Смита присвоит себе все научные открытия в астрофизике, что записаны на чипах. Том поймал себя на мысли, что именно это не даёт ему покоя больше всего. Не потеря души, а возможность потерять то, что может сделать его знаменитым на весь мир, – вот чего боялся Том. Он не хотел себе признаваться в этом. В конечном итоге дилемма: что важнее – потеря души, а, значит, жизни, или потеря возможности стать знаменитым, была не решена.

Дверь открылась, и в кабинет зашел человек в черном.

– У меня всё готово, Том, – заявил он с порога. В руках его был всё тот же кейс, которым он потряхнул для убедительности. В нём что-то звякнуло. – Пьер зайдет сюда утром и приберет здесь всё, а также выполнит некоторые инструкции, которые он получил от меня.

– Что я должен делать? – поднявшись с кресла, как можно увереннее спросил Том.

– Ты практически ничего.

Человек в черном поставил на стол увесистый кейс и щелкнул замком. Том подошел поближе и увидел внутри него множество бутылок с прозрачной жидкостью и герметично запакованный пакет с какими-то трубками. Под всем этим был виден сверток из красного бархата. Всё это человек в черном начал доставать и укладывать на стол.

– Что это? – спросил Том.

– Это обычная глюкоза, физраствор и инсулин.

– А в свертке?

– Ты непомерно любопытен, Том. Это тебя не касается.

– Хорошо, – Том отошел в сторону.

Человек в черном разорвал пакет и вытащил из него систему для внутривенных вливаний. Затем, воткнув иглу в бутылку с физраствором, наполнил трубку системы препаратом.

– Вот теперь точно всё готово, – ухмыляясь, произнес он. – Укладывайся вон там. – Он указал Тому в сторону стоящего у стены дивана.

– Вы будете вводить мне физраствор? – изумился Том. Честно говоря, он ожидал несколько другого. Лезвие по вене, нож к горлу, палка по голове или что-нибудь в этом духе.

Человек в черном ухмыльнулся снова.

– Я же говорил тебе, что не собираюсь убивать, – словно опять прочитав мысли Тома, произнес он, – мне нужна не смерть, а длительная потеря сознания. Ты когда нибудь слышал об искусственной гипогликемической коме? По-другому ее называют инсулиновым шоком. По глазам вижу, не слышал. В прошлом веке она использовалась для лечения шизофрении. – Человек в черном взял несколько ампул с инсулином, набрал препарат в шприц и ввел инсулин в бутылку физраствора через пробку. – Так вот. Сейчас ты ляжешь, я введу тебе иглу в вену и включу систему. Ты будешь медленно терять сознание, пока не впадешь в стопор, а затем в кому. Дальше уже мое дело.

– Это не опасно?

– Не беспокойся. Если это не опасно для дураков, то для умных людей, – он громко рассмеялся, – это не опасно тем более.

Через несколько минут Том лежал на диване, и система была подключена. Сначала он считал капли в капельнице, потом закрыл глаза и стал засыпать. На лбу выступили крупные капли пота, мышцы начали подергиваться. Человек в черном несколько раз менял бутылки, добавляя в них инсулин. Через три часа человек в черном подошел к Тому, поднял закрытые веки и, посмотрев в глаза, удовлетворенно кивнул головой. Том не реагировал ни на крик, ни на боль. Он находился в коматозном состоянии.

Отойдя от дивана, человек в черном подошел к столу и развернул сверток. В нем лежали кинжал с кривым лезвием из черной стали, стеклянный пузырек с прозрачной жидкостью и шесть свечей. Он расставил свечи по периметру дивана и зажег их. Затем, читая на ходу заклинания, взял кинжал, открыл пузырек и смочил клинок прозрачной жидкостью. Кабинет наполнило ужасное зловоние. Подойдя к Тому, он сделал неглубокий разрез кончиком клинка на его предплечье. Жидкость попала Тому в кровь, и его мгновенно забила мелкая дрожь.

Затем, сев перед диваном на колени, человек в черном поднес клинок к своему запястью и повернул лицо к окну.

– Тарлок варогада дао мит, – громко крикнул он. Через секунду стекло в окне выбило порывом ветра, и в кабинете закружился воздушный водоворот. – Хожой шолош амадей, – повысив голос, заорал он. Огни свечей потухли, и свечи попадали на пол. По кабинету летали бумаги, ручки, карандаши и прочие мелкие предметы. – Тажол двана у-у-уричай шой, волант, – прокричал он и резко резанул себя по запястью. Клинок вошел в тело как в масло. Через долю секунды отрезанная кисть валялась на полу, а из культи предплечья точками брызгала алая кровь. Воздушный водоворот резко стих, и на пол стали падать летающие секунду назад по комнате предметы. – Валдес идинг ортогала, – теряя сознание, хрипло произнес человек в черном и ткнул окровавленной культей в рану на предплечье Тома. Кровь их смешалась.

В этот момент воздух в кабинете поплыл и сжался. Тело человека в черном стало медленно заваливаться набок и в конце концов упало на пол. Кинжал выпал из неповрежденной руки. Лицо его было бледным, покрытым мелкими капельками холодного пота. Глаза его закрылись.

Через несколько минут он сделал с усилием последний вдох, и сердце его остановилось. По сгустившемуся воздуху из открытого рта человека в черном к лицу лежащего на диване Тома проскочила искрящаяся тень. Том вдохнул ее ноздрями. Его потихоньку перестало трясти. После чего воздух снова стал прежним. В окно светила полная луна, и, если бы Том мог видеть ее, он подумал бы, что она смеется.

Ровно в 5.30 утра в кабинет зашел Пьер. Глаза его были мутными. Все движения – автоматизированными. Он шел, едва не натыкаясь на попадающиеся на его пути предметы. Увидев мертвеца на полу и хозяина, лежащего на кровати с воткнутой в вену иглой, раньше он пришел бы в ужас. Но только не этим утром. На его еще только тронутым морщинами лице не отобразилось ни страха, ни удивления, вообще ничего. Пьер подошел к столу и взял стоящую на нем банку глюкозы. Подойдя к хозяину, он заменил бутылку, висящую на вешалке рядом с несколькими плащами. В вену Тома начала капать спасительная глюкоза. Постояв секунду у дивана, Пьер развернулся и, взяв мертвеца за ноги, волоком потащил его к выходу, сначала по лестнице вниз, затем по холлу. На полу оставался длинный кровавый след. Всю ночь Пьер копал яму в саду особняка. Он не думал, он просто делал то, что ему внушили. Сбросив мертвеца в яму, Пьер закопал его, оставив маленькую лунку. В нее он посадил куст белых роз, присыпав корни землей. Вернувшись в дом, он взял швабру и тщательно вытер пол от крови. Убрался в кабинете и все разложил на свои места. Поменяв бутылки, он дождался, пока вторая порция глюкозы прокапает полностью в вену хозяина. Том открыл глаза и пустым, непонимающим взглядом посмотрел на своего слугу. За окном уже светало. В кабинете ничего не напоминало о произошедшем здесь ночью. Пьер еще раз посмотрел на результат своей работы и отправился во флигель, в свою комнатку, где, раздевшись, лег спать. Проснувшись через два часа, он ничего не помнил. В 9.00 Пьер, как обычно, отправился на кухню готовить легкий завтрак и кофе для своего хозяина. Он никак не мог понять, почему он не выпался и откуда в саду появился розовый куст.

Том приходил в себя в течение трех дней. Все средства связи в его доме были отключены. Он никого не принимал. Через три дня он наконец почувствовал, что вновь полон энергии и сил. Более того, он чувствовал, что стал вдвое сильнее и работоспособнее. Утром четвертого дня он сел в свой белый «ягуар» и отправился в Институт астрофизики.

Через месяц Том Смит выступил на ученом совете института. То, что предложил ему Том, повергло всех в шок. Его доклад вызвал сначала недоумение, затем насмешки, а затем заинтересованность и в конце – восторг. До этого они смотрели на своего директора, молодого и достигшего успехов в астрофизике ученого, как на выскочку. Да, он достиг определенных успехов, да, его знали в научном мире как наиболее продвинутого ученого в области ядерной физики и как создателя теории «мгновенного переноса», которая в будущем могла быть применена в астронавтике для быстрых перемещений во времени и пространстве на сколь угодно дальние расстояния. Тем не менее эта теория была лишь теорией. Практически ее осуществить было невозможно. И тут Том Смит продемонстрировал им такое, отчего волосы могли встать дыбом. Все понимали, что Смит в своем докладе сделал невозможное возможным, но никто не мог в это поверить. Как мог один человек додуматься до такого? А если этот проект доработать, то станет рабочей и теория мгновенного переноса. Это было невероятно.

Это была новая концепция космоплавания. Но такого поверхностного знакомства с проектом было недостаточно, хоть никто не сомневался, что у него есть будущее. Ученый совет принял решение рассмотреть проект на расширенном заседании.

Том Смит светился от счастья и самодовольства. Теперь на него смотрели уже другими глазами. Восхищение и зависть – вот что читал он во взглядах своих коллег. Заседание расширенного совета назначили на следующую неделю. Каждый из шестнадцати ученых совета получил копию доклада Тома Смита для более детального ознакомления. Но пока Том не выдал ключевую информацию. Он оставил это на потом. Когда ничего не будет связываться воедино, Том вытащит ее и бросит как подачку. Это будет нечто.

Том вышел из здания института, дошел до парковки и сел в свою машину. Потянувшись рукой, чтобы включить зажигание, он вздрогнул.

– Давай поговорим, Том, – раздалось в его голове.

Том оглянулся по сторонам. Вокруг никого не было.

– Что? – все еще озираясь в надежде кого-нибудь увидеть, спросил шепотом Том.

– Называй меня Фиор. Я тот, чью душу ты так любезно приютил в своем теле. Мне здесь неплохо.

– А что с моей душой?

Смех раздался в его голове.

– Ты чувствуешь какие-то изменения?

– Да нет, по-моему, нет, – Том пожал плечами.

– Твоя душа здесь, у меня под боком, но я хочу, чтобы ты знал, – в голове Тома опять раздался смех, такой громкий, что он схватился за голову, – твоя душа такая ранимая, такая тонкая и занимает так мало места, что я в любой момент могу раздавить ее, как муравья.

– Но-о-о, – прошептал Том.

– Никаких «но», дорогой мой. Я обещал тебе, что она вернется в тело. Я выполнил это. Условия контракта соблюдены. Но я не обещал тебе, что не уничтожу ее, когда мне этого захочется.

– Будь ты проклят, Фиор, – крикнул Том.

Смех, опять этот противный смех. Том зажмурился и мотнул головой.

– Ладно, Том. Успокойся. Живи спокойно. Но всегда помни о нашем разговоре. Я буду редко беспокоить тебя. Конечно, я могу приказывать тебе, и ты будешь служить мне, как ты обмолвился при нашей первой встрече, но каким бы я не был, что-то человеческое от прежнего тела во мне осталось. Я буду просить. И вот моя первая просьба. Ты должен найти лунный камень, пусть он будет называться так. Заполучив его, ты узнаешь, что делать дальше.

– И где же я должен его искать?

– США развиваются усиленными темпами. Наиболее выдающиеся достижения вашей цивилизации – это заслуга США. Значит, камень в США. Он всегда там, где вершатся судьбы. Но совсем скоро грядет великий кризис. Ваша страна преодолет его, но никогда больше не станет такой сильной, как сейчас. На историческую сцену выйдет другая страна. Огромная страна, лежащая на востоке. Камень переместится туда. Значит, пока он в США.

– Но США не Ватикан. Это большое государство.

– Это так. Поэтому моя душа в тебе. Я прибыл сюда, чтобы найти его. Когда-то он был в моих руках, но его украли у меня. Ты поможешь мне вернуть украденное.

Том ожидал, что Фиор будет продолжать разговор. Но голос пропал. Через минуту Том ехал к своему дому.

Аэропорт. Нью-Йорк. В это же время.

Мужчина сидел на мягком сиденье бизнес-класса. Колодки только что убрали из-под шасси и супервайзер дал команду выруливать на взлетно-посадочную полосу. Боинг легко тронулся с места. Путь самолета лежал в Москву. Мужчина был доволен собой. Его поездка увенчалась успехом. На вид ему было лет тридцать пять, не больше. У него был горбатый большой нос, узкие серо-коричневые глаза и вьющиеся, почти рыжие короткие волосы. Он сидел и улыбался, поглаживая карман пиджака. Мужчина был страстным коллекционером драгоценных камней и ювелиром. В пригороде Филадельфии жил один из самых известных частных коллекционеров драгоценностей Грей Аденеон, 85-летний дед – старый, почтенный ювелир. Мужчина наносил ему частный визит. Можно сказать, что он был последователем Грея. Он единственный в мире старался изучить технику ювелирного искусства мастера Аденсона. Надо сказать, она была очень оригинальной и ни на что не похожей. Когда-то ювелирное дело стало хобби этого рыжеволосого мужчины. К камням его приобщил отец, эмигрировавший во Францию вместе с семьей из революционной России. Он был известный

российский фабрикант. В своем доме он держал частную коллекцию драгоценных камней. С детства мальчик привык к их блеску. Особенно ему нравилась шкатулка из слоновой кости и красного дерева. Вернее, не сама она, а ее древняя история. У мальчика была мечта: вновь осыпать ее драгоценными камнями, чтобы она стала такой, какой он рисовал ее в своем воображении по рассказам отца.

Грей показал ему свою коллекцию, но случилось несчастье. Сердечный приступ. Это была почти мгновенная смерть от повторного инфаркта. Он схватился за сердце и медленно осел на пол, глотая ртом воздух. Мужчина не знал, как помочь старику, и ринулся к телефону. Набирая номер 911, он посмотрел на старика. Тот выпучил глаза, лицо и шея его побагровели. Лежа на полу, он тянулся рукой в сторону мужчины. В его пальцах было что-то зажато. Диспетчер кричала в трубку, но мужчина положил ее на аппарат. Старик был мертв. Подойдя поближе, он обнаружил в руке старика шифр, карту и ключ с написанным на нем кодом. Старик жил один, но дом его хорошо охранялся. В комнату никто зайти не мог. Прислуга являлась только по вызову. Взяв ключ, мужчина осмотрелся. Найти сейф, а то, что ключи были от него, не было никакого сомнения, не составило особого труда. Он находился за висевшей картиной и был вделан в стену. Кому надо лезть в сейф, если даже на маленькую часть коллекции, при условии, что ее удалось бы украсть, можно было бы прожить безбедно целую жизнь где-нибудь на солнечном побережье. Все оказалось так, как и думал мужчина. Он вытащил из открытого сейфа обычную деревянную шкатулку. В ней было пусто. Заглянув в сейф, мужчина ничего больше там не обнаружил. Странно, тогда подумал он, не будет же старик хранить пустую шкатулку в сейфе. На всякий случай он запустил в нее пальцы и, к своему удивлению, наткнулся на что-то твердое. Он осторожно вытащил «это» из шкатулки. То, что он сжимал в своих пальцах, было ребристым и, самое главное, невидимым. Пожав плечами, он положил этот предмет обратно. Захлопнув крышку, он засунул шкатулку в карман, все закрыл и расставил на свои места. Стер отпечатки пальцев носовым платком и с сейфа и с ключей и вложил их в руку старику. Затем вызвал 911 и, схватив колокольчик, стал громко звонить в него.

Приехавший вскоре врач констатировал смерть от острой сердечной недостаточности. Коллекцию опечатали полицейские, предварительно сверившись с каталогом, и выставили охрану.

Теперь мужчина сидел в самолете. Невидимку могла засечь служба безопасности аэропорта, но интроскоп ничего не показал, кроме шкатулки, лежащей в сумке. Служащий контроля безопасности попросил открыть ее, но, ничего не увидев внутри, извинился и попросил проходить на посадку. Теперь шкатулка лежала в его кармане. Мужчина предчувствовал, что в руки ему попал не совсем обычный предмет. «Тебе крупно повезло, Семен Кутеев», – сказал он себе под нос и улыбнулся.

Семена вообще редко обманывало предчувствие. Он всегда все делал наверняка. Он посмотрел в иллюминатор. Земля постепенно оставалась все дальше и дальше внизу. Он снова похлопал себя по карману. Это действительно был не обычный предмет, и скоро Семен в этом убедится.

– Стоп, – раздался крик в голове Тома. Он резко затормозил и схватился за голову.

– Зачем так орать, Фиор?

– Камень уходит. Я чувствую его. Мы опоздали. Он уходит и уходит на восток, и я догадываюсь, куда именно. Но я уже позаботился об этом. Тот, к кому он стремится, уже два месяца как мертв. Знать бы только, в чьих руках камень сейчас?

Противный смех снова заставил Тома схватиться за голову, но через секунду он смолк. Не скоро потом Том Смит услышал этот смех снова.

Глава 6. Покушение

Скрежет ключа в замочной скважине и скрип открывающейся двери в лаборантской заставили меня вздрогнуть. Я открыл глаза. Около дивана стояла лаборантка Надя и с удивленным лицом смотрела на меня.

– Простите, – растерянно прошептала она, будто боясь меня разбудить, хоть я уже проснулся, – я не хотела, не знала...

– Ладно, ладно, Надя. Все в порядке. Просто вчера заработался и решил заночевать здесь. – Я откинул одеяло и сел на край дивана. «Так. Спокойно. Неужели это произошло на самом деле? Мне снился сон, и я опять его помню». Я встал и, потерев глаза руками, направился в сторону умывальника, думая на ходу: «Неужели это и есть то, о чем писал мне таинственный незнакомец: «Будь готов встретить свои сны»? Черт, кто же он или она? Если не думать, что сон – это всего лишь подсознательная чушь, а принять и поверить в него, то интересная вещь получается. Этот человек в черном – тот же, что сидел в самосвале, когда произошла авария, погибли мои родители и чуть было не погиб я. И произошла она по его вине. Он ищет камень. Он смог воплотиться в другом человеке. Так кто он? Правильно, Эрл. Это – тот самый Фиор. Так он, кстати, и назвался этому бедняге Тому Смит. Где-то я слышал это имя. Том Смит. Где, где? И еще. Он ищет камень, который забрал Семен Кутеев и увез в Россию из США в 2008 году. Теперь Кутеева нет. Значит, как я и думал, его убили из-за камня. И заказчик наверняка этот Том Смит. Теперь камень у меня. Может, найти этого Смита и отдать камень ему? Что за малодушие, Эрл? Этот камень твой. Твоя судьба связана с ним, вспомни записи отца. Ефимий называл его «камнем судьбы», и его надо принести в Беловодье». Подойдя к умывальнику и посмотрев в зеркало, я увидел у себя за спиной, как лаборантка Надя сложила вчетверо одеяло и потянулась руками к подушке.

Камень, ведь там камень.

– Не смей, – резко крикнул я и кинулся к остолбеневшей от моего крика лаборантке. – Не смей трогать подушку, – грубо оттолкнув испуганную девушку в сторону, опять заорал я. – Выйди вон.

Напуганная до ужаса моим поведением, Надя, заплакав, выбежала из лаборантской. Тем временем, присев около дивана, я запустил руку под подушку и вытащил оттуда то, что положил туда сегодня ночью. Осторожно развернув полотенце, я взял невидимку и, не найдя ничего лучшего, положил его в литровую стеклянную банку, стоящую на подоконнике для полива цветов. Надо бы извиниться перед Надей. И чего это я так вспылел? Можно было спокойно сказать, что белье я уберу сам. Я вышел из лаборантской. Девушка сидела в дальнем углу лаборатории в мягком кресле и, закрыв лицо руками, жалобно всхлипывала. Подойдя к ней, я осторожно похлопал ее по плечу.

– Ну, ну, Наденька, прости. Я просто встал не с той ноги, – глупо начал оправдываться я. Она оторвала руки от лица и взглянула на меня красными, полными слез глазами.

– Эрл Андреевич, я же ничего такого не сделала. Я просто хотела убрать все с дивана.

– Да, да, я знаю. Прости меня.

Я не знал, что можно сказать еще, поэтому отвернулся и, опустив голову, побрел в лаборантскую. Там, вновь подойдя к умывальнику, умылся холодной водой. Подняв голову и поглядев на себя в зеркало, я подумал: как же изменился ты, Эрл, за последние два дня. На меня смотрел мужчина с двухдневной щетиной на лице, с красными после сна глазами и взъерошенными волосами. Моя жизнь стала преподносить мне сюрпризы едва не каждую минуту. Я начал делать в себе новые открытия. Мне стали открываться скрытые до этого времени и, честно говоря, не радующие меня черты моего характера, моей личности. И это-то в сорок лет, когда я считал себя вполне сложившимся человеком с устоявшимися взглядами

на жизнь, со своими достоинствами и недостатками, которых я, может быть, не замечал. И все это, я был теперь уверен, связано каким-то образом с этим камнем. Я мотнул головой, пытаюсь отогнать от себя эти мысли. Сейчас, Эрл, не до самокопания. Надо действовать, но я не знал, что мне делать дальше.

Через полчаса я уже шел по улице. Камень лежал в боковом кармане пиджака.

Прежде всего, рассуждал я, необходимо решить, что дальше делать с невидимкой. Таская его в кармане, многого я о нем не узнаю. Здесь необходимы серьезные исследования, и не одной моей лаборатории с современной, но ограниченной в количестве аппаратурой, а, может быть, множества НИИ.

То, что лежит у меня в кармане, не просто предмет для научных изысканий одного человека. Это, может быть, достояние всего человечества. Я решил, что для начала мои друзья: Антон – физик-ядерщик, и Игорь – одаренный программист и компьютерный гений, должны узнать о камне, о моем камне. Я шел в сторону метро, как мне казалось, с твердым намерением нанести визит Игорю. До него ехать всего две остановки. Но, с другой стороны, уже подойдя к подземному переходу, я подумал: «Может быть, просто тайно владеть камнем»? Стоп. Я резко остановился. Идущий за мной человек врезался мне в спину и, обходя меня, кинул в мою сторону какое-то ругательство. Стоп, опять. Тайно владеть, мой камень. Что же все-таки происходит? Я засунул руку в карман и пальцами погладил камень. Что же ты такое? Я вспомнил убитого Кутеева. Он называл камень божественным сокровищем. Он, передавая камень мне в руки, был готов убить меня на месте, если я вдруг подумаю не возвращать его обратно. Он стрелял в меня, хотя смерть уже почти забрала его самого. Я словно понял что-то, но пока не мог себе это объяснить. Или не хотел? Я огляделся по сторонам. У тротуара, шагах в тридцати от меня, припарковалась невзрачная машина. Сквозь лобовое стекло я разглядел в ней трех мужчин. Один из них, тот, что за рулем, махнул мне рукой, или мне показалось. А если нет? Может быть, за мной уже следят. Я оглянулся по сторонам, но ничего подозрительного не заметил. Нет, мои друзья не должны подвергаться опасности. Пусть даже все это я себе и придумал. Что же тогда делать? А ничего. Ждать, и все встанет на свои места. Закурив сигарету, я двинулся в сторону входа в метро «Беляево». Позади меня синхронно хлопнули дверцы автомобиля. Двое мужчин вышли из машины и направились вслед за мной. Без происшествий добравшись до «Сухаревской», я вышел на поверхность и направился в сторону своего дома. У подъезда я оглянулся. Двое остановились на противоположной стороне улицы, метрах в пятидесяти, и делали вид, что рассматривают витрину. Мне очень хотелось принять душ, выпить чашку кофе. В общем, как-то взбодриться. Плюнув на слезку, а в том, что это была именно она, не было сомнения, я зашагал по лестнице к себе на этаж, предвкушая, как через несколько минут подставлю свое тело под струйки прохладной воды. Но лишь увидев свою дверь, я понял, что помыться мне сегодня, видимо, не суждено. Дверь моей квартиры была приоткрыта. Первой моей мыслью было повернуть обратно и спуститься вниз. Но в следующую секунду я понял, что делать этого не стоит. Ведь я просто мог не закрыть квартиру, когда уходил. Подойдя к двери, я тихонько толкнул ее вперед и заглянул в коридор. Там никого не было. Протиснувшись в дверной проем, я, осторожно ступая, зашел в прихожую. Здесь все было перевернуто вверх дном. Можно себе представить, что я увижу в комнатах. На секунду я остановился и прислушался. Было тихо, лишь настенные часы в одной из комнат методично отстукивали секунды. Сосредоточившись и взяв себя в руки, я осторожно двинулся дальше. Если в квартире кто-то есть, что я могу противопоставить ему? Этот кто-то наверняка вооружен, а в моем арсенале лишь давно не применяемые мной на практике знания нескольких видов восточных единоборств. Хотя этого не так уж и мало. Я заглянул в открытую настежь дверь комнаты. А искали с пристрастием, отметил я. В комнатах было что-то напоминающее последствия прошедшего торнадо. Даже люстра валялась на полу, вернее, не люстра, а каркас с совершенным отсутствием хру-

стоя. Искали, несомненно, камень. Убедившись, что никого, кроме меня, в квартире нет, я вошел в комнату. Выбирая место, куда можно поставить ногу, чтобы ни на что не наступить, я стал пробираться на кухню. Наконец, достигнув кухонного стола, я включил чайник. Кофе я все-таки должен выпить. Пока чайник нагревался, я закурил, присев на подоконник. Выпустив струйку дыма, я взглянул за окно. На противоположной стороне улицы стояла уже знакомая мне машина. Двое мужчин тоже курили и оживленно о чем-то разговаривали. Мой подъезд просматривался у них как на ладони. Затушив сигарету, я решил позвонить следователю Багрову, но тут же откинул эту мысль. А что я ему скажу? За мной следят? А зачем? Шкатулка-то уже в прокуратуре, а про камень он ничего не знает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.